

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 6

Неожиданный спаситель. ... Увидав водолаза, тигр долго соображал, съедобна ли эта непонятная штука. Потом схватил Виссона зубами за рубашку и потащил в чашу...

24 КНИГИ (около 4.000 стр. за год)
За 6 р. в год (ВМЕСТО 9 р. 60 к.)

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
НА 1928 НА

УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ РОМАНОВ 24
ИЗ ЖИЗНИ РАЗЛИЧН. ЭПОХ И НАРОДОВ

БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

лучших русских и иностранных авторов, в новой литературной обработке, с объяснительными примечаниями и с предисловиями: ФЕЛИКСА КОНА, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Ю. ЛАРИНА и др.

популярные романы: А. ДЮМА — «Три мушкетера»; МАРК ТВЕН — «Янки при дворе короля Артура»; Р. ХАГГАРДА — «Дочь Монтесумы»; В. ПИГО — «Человек, который смеется»; Э. СИНКЛЕР — «Север против Юга»; ВАЛЬТЕР СКОТТ — «Роб-Рой»; И. ЛАЖЕЧНИКОВ —

В „БИБЛИОТЕКУ“ ВХОДЯТ:

«Ледяной дом»; А. ФРАНС — «Боги жаждут»; ФЛОБЕР — «Салаambo»; ШПЛЬГАТЕН — «Один в поле не воин»; ТЕТМАЙЕР — «Горные орамы»; В. ПИГО — «Варфоломеевская ночь»; Г. ЗБЕРС — «Уарда»; ДИЖОВАНИОЛИ — «Спартак»; КОСТОМАРОВ — «Иудейка»; и другие.

Все 24 книги (по 160 стр. убоористого текста в каждой) в КРАСОЧНЫХ ОБЛОЖКАХ.

„БИБЛИОТЕКА“ рассылается ЕЖЕМЕСЯЧНО. Ежемесячно подписчики получают по 2 книги (320 стр.).

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИГИ „Библиотеки“ в книжн. магаз., в киосках и у газетч. — 40 к.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА (с перес. и доставкой):

на год — 6 руб., 6 м. — 3 руб.
25 к., 3 м. — 1 руб. 75 к. и 1 мес. — 50 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ

(почтовыми переводами):
Москва, центр, Ильинка, 15, „Зиф“.

Выписывающим непосредственно из Издательства допускается

РАССРОЧКА

годовой платы при подписке — 3 р., к 1 мая остальные 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ: в Москве — в магазинах „Зиф“: 1) Столешников пер., 5; 2) Никольская, 12 и 3) Лубянский пассаж, пом. 25; в провинции и в Отделенных „Зиф“: 1) Ленинград, пр. 25 Октября, 13; 2) Харьков, Дворца Труда, Горюновский пер. 3; Ростов н/Д, ул. Зингелса, 108/110; 4) Киев, ул. Воровского, 25; Паскаж, 33; 5) Днепрпетровск, пр. К. Маркса, 83, и во всех отделен. центральн. газет, в киосках на жел.-дор. станциях, **ПОВСЕМЕСТНО** в почтовых отделах и письменносообщ. доставл. корреспонденции, на дом.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С ЯНВАРЯ МЕСЯЦА!

Вышли и рассылаются подписчикам романы: „СПАРТАК“ — Дижованиоли и „ЛОЧЬ МОНТЕУБЕР-МЫ“ — Р. Хатгарда. На днях будут романы: „УАРДА“ — Г. Зберса и „САЛААМБО“ — Флэбера.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

не следует изучать по устаревшим методам. Налуучшим признан новейший метод Мертнера, не требующий заучивания слов и правил. Заочный Советом, высылается за 2 р. 55 к. Такой же англійский самоучитель (пр. грам.) выс. за 3 р. 15 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, д. 22/12. Книжное дело „Просвещение“.

КНИГИ

ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ ВЫСЛАЕМ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

МОСКВА, Политехнический Музей, помещен, 123/9 Госуд. Контора „Трансреклама“ (Книжный Отдел).

НОТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ, БЫТОВЫЕ, ДЛЯ ВСЕХ ИНСТРУМЕНТОВ И ДЛЯ ПЕНИЯ.

ПОЛНЫЕ ОПЕРЫ, ЛИБРЕТТО, КНИГИ ПО МУЗЫКЕ

высылает Музсектор Госиздата

Москва, центр, Неглинная, д. 14/31

на сумму до 5 р. без задатка, свыше 5 р. — задаток в размере 30% суммы заказа.

Каталоги требуются бесплатно.

НОВИНКИ!

Елдожинов, Практическая фотография, в 3 части, 334 стр., 129 рис. 3 р. 30 к. Еро жев. Как получить хороший негатив, 30 к. 30 к. Еро жев. Фотоальбомы. — Зинмайер, фотография, 1 р. 25 к. 30 к. Додкина, Кулина на плите и примухи, 550 мынакх и нестерилизованных блюд, 1 р. 20 к. 30 к. Рабочие чертёжи по строительству, делу, 20 чертёж, в 3-х папках — 8 р. 25 к. 30 к. Фенеткоаков, Петроградские здания для меланхо, водонагреватели, стёклах и водостроител, 176 стр., 2 р. 50 к. 30 к. Кювлин, Мои водокочелухи, 1 р. 25 к. 30 к. Быковской, Чертежные самоучки, 1 р. 30 к. 30 к. Шедлингер, Семь строн шалюкы, 1 р. 60 к. 30 к. Федоров, Драматич. ремесленник, все ремесла в одной книге, 3 р. 30 к. 30 к. Фореаль, Плавильный аппарат, 2 тома, 4 р. 30 к. Яковлев, Охлаждател и мушкетеры и женщины, 2 р. 50 к. 30 к. Фореаль, Уничтожим или не уничтожим, 1 р. 50 к. 30 к. Герперов, Изучим стрельбу, 30 к. 30 к. Рахманян, Слугини труда, ослепила, 1 р. 30 к. 30 к. Яковлев, Дрепсеровка и ваткина аглавой, 75 к.

НОВЫЙ РИСУНОК АЛДОВО ДАЖ ВЫПИЛИВАНИЯ

на дереве. Около 250г. худож. Тараканов, 3 р. (с пересылкой, 3 р. 50 к.). Цены без пересылки. Высылает наложен. платеж. Книжный маг. А. С. Степанова

А. ДЮМА. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Дальнейшее хождение ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ. Полный перевод. Стр. 612. Цена 4 руб. 43 рис. Фрэн. Коиз. **Один из самых сильных по заимчивости романов А. Дюма.** Цена в роскош. санитовом переплете с зол. тисн. 3 р. 21 к.

Высылающие деньги вперед за пересылку не платят. ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ Изд-ву „АНДАКОМ“, Москва, 9. Тверская, 26, а.

УЧИТЕСЬ ВЕРЕЧЬ И ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ

ПОСЛАНИЕ БИБЛИОТЕКА ПОСЛАНИЕ ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ КНИГ И ВОСПОД

МАЙЗЕЛЬ. — Как уберечь и маленького ребенка от болезни. ШВАБД. — Как по пилывать детей от 3 до 8 лет. ЕГО ЖЕ. — Учитесь, как говорить с ребенком. ГЕШЕЛИН. — Дайте здоровую пищу ребенку. ГРИНБЕРГ. — Скрайните сон ребенка. ИОНАНСОН. — Почему ребенок становится суеверным. КРАСНОГОРОДСКАЯ. — Какое значение имеет для ребенка пример окружающих. КУИШЕН. — Почему нельзя наказывать дет. И. КИЕВИН. — Что должна знать каждая мать об уходе за ребенком. СТЕНИН-ХОЛД. — Черчки по изучению ребенка КАСПА-РОВА. — Руководство для первоначального знакомства с музыкой (12 детских песен). ГЕРДИ. — Игры для детей 4-6 лет. РАСТОВ. ОТТО РОБЛЕ. — Воспитание ребенка. КУЗКОВ. — Детские заразные болезни. КОРНАК. — Как любить дет. КИСЕЛЕН. — Детская кухня. ЦЕНА всей библиотеки — 8 р. (без пересылки) Цена первых 12 книг — 5 р. 10 к. (без пересылки) Высылает „всегда нно налож. платеж. Издат. ота. В. Часть МОГУВШЕФОВЕТА—Москва, Центр. Ин. ольская, 12.

От конторы СЛЕДОПЫТА НА ДНЯХ рассылаются подписчикам по II абонементу книги 4-я и 5-я полн. собр. соч. ДЖАКА ЛОНДОНА

ФОТО НОВИНКИ

Фотографические рецепты и таблицы. Сборник неплатных рецептов по всем фотографическим процессам. Изд. 2-е, 335 стр. Сост. Ауэрберг Ц. 16,60 к. Караванов, справочник по фотографии и руководств. для фотографов любителей. Изд. 1-е. Сост. Фогель Ц. и в пер. 2 р. Руководство практиков и научной фотографии. 357 стр., 107 рис. Сост. Энгельс. Цена в переп. 3 р. 85 к. Вышедшее в фотографиях. Пособие для учащихся и любителей театр. 101 стр. в рис. Сост. Араванов. Ц. и пер. 1 р. 15 к. Практическая фотография в 3 частях. 334 стр. в рис. Сост. Елдожинов. Б. Ц. 3 р. Цена без пересылки при получении денег вперед пересылка бесплатно, а также любую книгу по всем вопросам фотога. высылка налож. плат. Книжн. маг. С. С. Романов. Москва Центр. Погодная 22, ж.

6р. в год за экземпляр. «Всем» с прил. 24 №№ «Вокруг Света», 12 №№ «Всем», Турист» и 12 многокр. табл. «Народы СССР» на обл. журн. За триместр подписная плата выше на 50%. За переводу адреса—20 коп.

Редакция и контора «Всемирного Седлопята» и «Вокруг Света»: Москва, Ильинка, 15. Подписка на журнал «Всемирный Седлопята» (только со всеми приложениями, по 1 или 10 абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 15) и во всех почтовых отделениях, а также письмоносцами.

СОДЕРЖАНИЕ: Человек-амфибия. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение). Бубен шамана. Якутский эпос. — Доктор Франг. — Неожиданный спаситель. Колониальный расказ В. Белова о краху (а рисунку на обложке). — Юбилейные советские марки (Юдоль филателиста). — Кто больше знает? Игра. — Шведли мозгами.

10р. в год журн. «Всем Свет» с прилжон. (сверх указани. слева) 24 книг подл. 160р. соч. Д.ж. ЛОНДОНА (первая половина). «АСТРАКАН» при подписке — 3 р., к 15 марта — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сент. — 2 р.

10р. в год журн. «Всем Свет» с прилжон. (сверх указани. слева) 24 книг подл. 160р. соч. Д.ж. ЛОНДОНА (первая половина). «АСТРАКАН» при подписке — 3 р., к 15 марта — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сент. — 2 р.

ЧЕЛОВЕК — АМФИБИЯ

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ЧАСТИ: У берегов Южной Америки, невдалеке от г. Буэнос-Айреса, появилось неизвестное существо, называющее стран на рыбаков и людей жемчуга. Никто не видел этого существа, но слухи его находились повсюду: кто-то резал рыбачьи сети, сбрасывая наловленную рыбу с лодок и т. п. Старые индейцы уверяли, что это «морской дьявол».

Однажды ночью на шхуне «Медуза», принадлежащей ловцу жемчуга испанцу Педро Зурита, вахтенный инспектор Балъзар услышал необычайный звук трубы. Известные боцаны матросов ловца жемчуга перенесена в другое место. Там ныряльщик индейца был настигнут чудовищем с огромными выпуклыми глазами, лягушачьими лапами и серебристой чешуей; оно вспарывает акуле брото.

У Зурита возникает мысль, что «дьявол», видимо, может жить над водой и под водой. Если бы удалось поймать «дьявола» и приспособить к дожде жемчуга, то можно нажить миллионы! Зурита достает водолазные костюмы и опускается с Балъзаром на дно лагуны. Они находят пещеру, закрывающуюся в пубине железной решеткой. Новая загадка. Нет ли выхода из пещеры на берег? Над залитым находится усадьба профессора Сальватора. Зурита узнает, что

Сальватор — хирург, прославившийся своими операциями, но теперь живущий затворником. Зурита посылает к Сальватору шпикона, брата Балъзара — старого индейца Кристо.

Кристо достает больного ребенка и, под видом своей вунчи, приносит Сальватору, который излечивает девочку. «Благодарный» Кристо удерживает Сальватора взять его в услужение. Сальватор соглашается. Кристо попадает в необычайный сад, населенный странными, невиданными животными, гадами и птицами. Когда один из молчаливых слуг заболевает, Кристо перелезает во второй сад. Здесь он видит говорняшек, безволосых и бесхвостых обезьян и детей индейцев, наделенных хвостами, карманями в коже и необычайно подвижными членами тела.

Индейцу, наконец, удается проникнуть в третий сад, где Сальватор вытучкает воду из бассейна, открывает люк и спускается с Кристо в огромную пещеру со стеной из стекла, за которой плавают рыбы. Сальватор кого-то зовет, и среди освещенной воды появляется чудовище с огромными глазами и лягушачьими лапами... Оно ныряет в стеклянную камеру, вода из которой выкачивается, и «дьявол» входит в пещеру.

Тайна открыта: Кристо удалось познакомиться с Иктиандром (так зовут «дьявола»). Кристо зна-

комит юношу с жизнью земли и рассказывает о городах и людях, а Иктиандр описывает прелести подводного мира. Иктиандр может жить под водой и на земле, но на воздухе ему трудно пробыть более трех-четырёх суток. Кристо, рискуя чудеса и прелести города, пытается угостить юношу отравившимся с ним в Буэнос-Айресе, где Зурита легко мог бы его захватить. Иктиандр однажды видел на берегу девушку, красота которой поразила его. Он хочет видеть ее еще раз и соглашается идти с Кристо в город.

В Буэнос-Айресе в это время беспорядки: войска и полиция подавляют всеобщую забастовку. Иктиандр и Кристо попадают в узкую саляку. Кристо спешит укрыться с Иктиандром в лаке брата Балъзара (горюющего жемчугом).

Испанец Зурита давно влюблен в примную дочь Балъзара, но девушка не соглашается на брак. По словам Балъзара, рассерженный неудачей, Зурита куда-то уехал... «А Иктиандр здесь?» спрашивает Балъзар. — «Сидит», — отвечает Кристо. Балъзар заглядывает в дверь, но вместо юноши видит свою дочь Гуттиэрэ, которая сообщает, что хотела поплавать в узкую саляку. Кристо сорвался с места и убежал. Гуттиэрэ оказалась той девушкой, которую Иктиандр видел на берегу.

III Двойная жизнь.

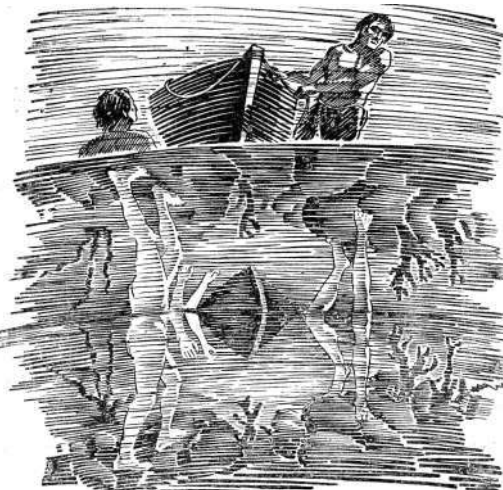
Иктиандр, задыхаясь, бежал дороге вдоль берега моря. Он рвался из города, как из страшного ада. На дороге было много людей — рабочих и фермеров, шедших в город на демонстрацию. Они поднимали ногами пыль, от которой Иктиандр задыхался, и очень шумели. Кто-то крикнул Иктиандру вслед:

— Ишь, улепетьяет!
— Испугался!
— Держи штаны, а то свалитесь!

Иктиандр круто свернул с дороги к самому берегу моря. Он укрывся между прибрежными камнями, огляделся, быстро разделся, спрятал в камнях костюм, побегал к воде и, вдыхая соленый воздух широко раскрытым ртом, бросился, наконец, в воду. Вода освежила его.

Глубже, дальше, скорей!.. Несмотря на усталость, никогда еще он

не пыл с такой стремительностью, рыбы в испуге шарахались от него. Только отплыв несколько миль от города, Иктиандр поднялся ближе

Иктиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги и их обратным отражением. Другой рыбак опустился в воду по плечи, и в воде показалась странное четвероногое существо.

к поверхности и поплыл вблизи берега. Здесь он уже чувствовал себя дома. Каждый подводный камень, каждая выемка в морском дне были ему знакомы. Вот здесь, распластавшись на песчаном дне, живут домоседы-камбалы, дальше растут красивые коралловые кусты, укрывающие в своих ветвях мелких, суеуливых краснопёрых рыбок. В этой затонувшей рыбачьей лодке устроились на житье-бытье два семейства спрутов, — у них недавно вывелись детеныши. Под серыми камнями водятся крабы; Иктиандр в детстве любил часами наблюдать за их жизнью. Он знал их маленькие радости удачной охоты и их горести: потерю клешни или нападение осьминога. А у прибрежных скал было множество устричных раковин. Все знакомые места мелькали перед ним; механически отмечались в мозгу, не при-

нося успокоения взволнованным чувствам.

Наконец, уже недалеко от залива, Иктиандр поднял голову над поверхностью воды. Он увидел стаю дельфинов, резвившихся среди волн, и громко, протязно крикнул. Большой дельфин весело фыркнул в ответ и быстро поплыл к своему другу, ныряя и вновь показывая над гребнями волн свою черную, лоснящуюся спину.

— Скорей, скорей! — кричал Иктиандр, плывя навстречу. Он хватил дельфина за плавник и, задыхаясь, начал говорить, как будто дельфин мог понять его.

— Это ужасно, Лидинг! Я не думал, что жизнь так ужасна... Плыдем скорее, дальше, вперед. Не жалей плавников, Лидинг!

И повинувшись руке юноши, дельфин быстро поплыл в открытое море, навстречу ветру и волнам. Взмахая плавником, он резал волны грудью и мчался, как взбесившаяся лошадь, а Иктиандру эта скорость все еще казалась недостаточной. Он нетерпеливо шлепал животное по бокам и кричал:

— Да ну же, Лидинг! Скорей, скорей!..

Юноша совершенно загнал дельфина, бока которого начали подниматься, как у опоенной лошади. Не будь воздух таким горячим, от животного, вероятно, валил бы пар.

Но и эта бешеная езда по волнам не внесла успокоения в мятущуюся душу юноши. Он оставил своего добродушного друга в полном недоумении, соскользнув вдруг с его спины и опустившись в море. Дельфин подождал, фыркнул, нырнул, выплыл, еще раз недолго фыркнул и, круто повернув хвостом свое большое, но послушное тело, направился к берегу, поворачиваясь от времени до времени назад. Но юноша не показывался на поверхности, и Лидинг присоединился к стаду, радостно встреченный молодыми дельфинами.

А Иктиандр опускался все глубже в сумеречные низины океана. Ему хотелось быть одному, притти в себя от новых впечатлений, которые сразу разбили его прежний светлый, безмятежный мир. В его жизнь вошло что-то новое, страшное — и прекрасное и неотвратимое. Он залпыл далеко, был безоружен, но не думал об опасности. Он думал о том, что ему надо что-то решить, понять, как-то по-новому определить свое отношение к миру и людям. Как призрачные тени рыб, скользивших в этой глубине, в нем смутно шевелилась мысль о том, что он — не такой, как все, — чуждый и морю и земле. И, вместе

с тем, эта ужасная, душная земля пригребнула для него новую, притягательную силу...

Он погружался все медленнее. Вода становилась плотнее, она уже давила на его тело, как будто он плавал в густом киселе. Сжималась грудная клетка, становилось труднее дышать. Однако, несколькими движениями рук, он заставил свое тело погрузиться еще ниже. Здесь стояли густые зелено-серые сумерки. Морских обитателей было меньше. Многие из них были неизвестны Иктиандру, — он еще никогда не опускался так глубоко. Эти странные существа, как неформившиеся мысли, — грубые наброски, из которых природа выбирала более совершенные формы, — медленно скользили во мгле, — как будто и они искали ответа, выхода из этой тьмы тысячелетий... И, впервые в жизни, Иктиандру сделалось жутко от этого вечно молчащего, сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу.

Солнце заходило, пронизывая воды красными лучами. В воде эти лучи, смешиваясь с синевой вод, давали необычайный эффект, переливаясь нежными лилово-розовыми и зеленовато-голубыми тонами. Подводный мир развернул всю роскошь и яркость своей окраски, всю красоту форм, как бы желая вернуть Иктиандру утраченное душевное равновесие, победить его своим чарующим обаянием.

Маленькие золотые рыбки, украшенные яркими пятнами чистой киновари и лазури, трепетали нежными плавниками и хвостиками, как бабочки. Крупные рыбы, как стальные кинжалы, резали воду быстрыми взмахами, сверкая на поворотах себребром. А внизу расстились подводные сады из водорослей и кораллов — оранжевых, синих, желтых, красных, поднимавших вверх, как руки, свои недвижимые ветви.

Но Иктиандр только грустно улыбнулся, глядя на этот знакомый подводный ландшафт, и перевернулся на спину.

Иктиандр был без очков, и потому он снизу видел поверхность моря так, как она представляется рыбам: изпод воды поверхность представлялась ему не плоской, а в виде конуса, — как будто он находился на дне огромной воронки. Края этого конуса, благодаря разложению лучей, были окружены красной, желтой, зеленой, синей и фиолетовой каемками. За пределами этого конуса расстилась блестящая поверхность воды, в которой, как в зеркале, отражались под-

водные предметы: скалы, водоросли и рыбы. Юноша отворачивался от красот моря, но они вновь прильно смотрели на него, — точно он повернул ручку калейдоскопа и увидел новую, необычайную по яркости красок картину. Она была знакома ему, и все же он залюбовался феерической роскошью красок, неизвестными на земле эффектами. Он подплыл к поверхности ближе, желая рассмотреть свое изображение, однако, оно показалось ему туманным, размытым. Впрочем, он видел свое изображение и в обыкновенном зеркале. Теперь он вызвал в памяти это отражение и бессознательно сравнивал себя с юношами города. Да, он красивее их. Эта мысль доставила ему удовольствие.

Иктиандр перевернулся на грудь, поплыл к берегу и уселся между скалами, недалеко от отмели. Какие-то рыбки слезли с лодки в воду и тянули ее на берег. Один из них погрузил в воду ноги по колено. Иктиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги, с их обратным отражением. Другой рыбак опустился в воду по плечи. И в воде показалось странное, безголово, но четвероногое существо, — как будто двум одинаковым людям отрубили головы и поставили плечи одного человека вверх на плечи другого. Когда люди подходили к берегу, Иктиандр видел их, как видят рыбы; изображение было искривлено, как будто люди отражались в зеркальном шаре. Но он видел их с ног до головы прежде, чем они подходили вплотную к берегу. Это и давало ему возможность незаметно уплыть от берега при их приближении.

Вид этих странных туловищ с четырьмя руками без головы и голов без туловищ на этот раз показался Иктиандру неприятным. И он притаился в своем убежище. Люди!.. Они делают так много шума, курят ужасные сигары и убивают друг друга...

Солнце скрылось за горизонтом, но Иктиандр еще видел его некоторое время, как огромный, багрово-лиловый шар, просвечивающий сквозь толщу воды и все более тускневший.

Ночь. Звезды... Море зажгло фосфорическим светом. Иктиандр опустился на дно и, подложив руки под голову, улегся на мягкий песок среди кустов светящихся кораллов. Их мягкий, мерцающий голубоватый свет внес, наконец, в сердце Иктиандра успокоение. Юноша смежил глаза, и к нему наклонила лицо девушка с «кожею ангела», как у розоватых

жемчужин, голубыми глазами и золотистыми волосами.

— Земля прекрасна!.. — прошептал он во сне.

* * *

Кристо не на шутку беспокоился: Иктиандр не показывался трое суток. Явился он истомленный, побледневший, но довольный.

— Где ты был? — строго сказал индеец, обрадованный появлением Иктиандра.

— На дне, — кратко ответил Иктиандр.

Наскоро позавтракав, он надел очки и перчатки и пошел к двери.

— Ты за этим только и приходишь? — спросил Кристо, указывая на очки. — Почему ты не хочешь сказать, что с тобою?

В характере Иктиандра появилась новая черта: он стал более скрытным.

— Не спрашивай, Кристо, я сам не знаю, что со мной. — И юноша быстро вышел из комнаты.

он встретился с девушкой лицом к лицу, ему не хотелось, чтобы другой человек был свидетелем их встречи. И Иктиандр решил положиться на случай: ежедневно приплывая он к тому месту, где впервые встретил девушку с голубыми глазами и просиживал с утра до вечера, скрываясь за прибрежными камнями, в надежде увидеть ее. При-

рель на открытой шее и нетерпеливо ходила, поглядывая от времени до времени на дорогу. Иктиандра, прислонившегося к выступу скалы, она не замечала.

Вдруг лицо ее оживилось. Девушка замалахала кому-то рукой. Иктиандр ослепнул и увидел человека, который быстро шел по дороге. Он был широкоплеч, очень высок, молод. Незнакомец имел совершенно светлые волосы, а глаза — серые. Иктиандр еще никогда не видел таких светлых волос и глаз. Великан подошел к девушке и, протягивая ей широкую руку, ласково сказал:

— Здравствуй, Гуттиэрэ.

— Здравствуй, Ольсен, — ответила она.

Незнакомец взял узкую, маленькую, золотистую руку и крепко пожал.

Иктиандра вдруг охватило неведомое чувство, — очень сильное и неприятное. Ему вдруг захотелось броситься на этого неизвестного, белокурого великана и задушить его.

— Принесла! — сказал с удовлетворением великан, глядя на жемчужное ожерелье.

Гуттиэрэ утвердительно кивнула головой.

— Отец знает? — спросил Ольсен.

— Нет, — ответила девушка. — Это мой собственный жемчуг, и я могу распорядиться им, как хочу.

Гуттиэрэ и Ольсен прошли к самому краю скалистого берега и начали о чем-то тихо разговаривать. Освещенные заходящим солнцем их фигуры резко выделялись на фоне неба. Не прекращая говорить, Гуттиэрэ закинула руки за шею, расстегнула жемчужное ожерелье, взяла за конец нитки, подняла руку вверх, и, как бы прощаясь с ожерельем, сказала:

— Смотри, как красиво горят жемчужины на закате. Как капли крови! — и вздохнув, она взмахнула ожерельем... — Возьми, Ольсен.

Ольсен уже протянул руку, но вдруг ожерелье выскользнуло из руки Гуттиэрэ и упало в море. Одновременно раздался ее крик:

— Ах, что я наделала!!

Ольсен и Гуттиэрэ стояли совершенно подавленными, устремив взоры на воду, поглотившую драгоценное ожерелье.

— Может быть его можно достать? — сказал Ольсен, со скрытым раздражением на невольницу девушки.

Гуттиэрэ отрицательно покачала головой.

— Здесь очень глубоко, — и повернув к Ольсену свое лицо, Гуттиэрэ, с огорчением, сказала:

К удивлению Гуттиэрэ и ее спутника Иктиандра, даже не разлазаясь, бросился в море и скрылся в волнах...

плавая к месту, он снимал очки и перчатки и переодевался в припрятанный белый костюм, чтобы предстать перед девушкой в «человеческом» виде, если к тому представится возможность. Нередко он проводил на берегу круглые сутки, ночью погружался в море, утолял голод рыбами и устрицами, и засыпал тревожным сном, а рано утром, еще до восхода солнца, был уже на своем сторожевом посту.

Однажды вечером он решил пойти к лавке продавца жемчуга. Двери были открыты, но у прилавка сидел старый индеец, — девушки не было. Разочарованный Иктиандр вернулся на берег, и вдруг почувствовал, как у него холодеют руки и сердце. На скалистом берегу он увидел девушку в белом, легком костюме и соломенной шляпе, из-под широких полей которой выбивались золотые пряди волос. Она!.. Иктиандр остановился, не решаясь подойти. Девушка кого-то ожидала. Она нервно подергивала пальцем жемчужное оже-

IV. Жемчужное ожерелье.

Иктиандр, встретив голубоглазую девушку в лавке продавца жемчуга Бальтазара, был так потрясен этой неожиданностью, что выбежал из лавки и бросился в море. И теперь его мучило желание поскорее познакомиться с девушкой, но он не знал, как это сделать. Проще всего было призвать на помощь Кристо и пойти с ним вместе. Но что-то мешало юноше сделать это. Теперь, когда

— Какое несчастье, Ольсен!

Ихтиандр видел ее опечаленное лицо, скорбно сдвинутые брови и большие, бесконечно грустные глаза... И он сразу забыл о том, что девушка хотела подарить жемчуг беловоло-сому великану, который возбудил в его душе внезапную ненависть. Ихтиандр не мог больше оставаться только зрителем и вдруг вышел из-за скалы и решительно подошел к Гуттиэрэ.

Ольсен нахмурился, насторожился и сжал свои огромные кулаки, а Гуттиэрэ с любопытством и удивлением посмотрела на Ихтиандра, — она узнала в нем того юношу, который так неожиданно бежал из лавки при ее появлении.

— Вы уронили в море жемчужное ожерелье? — сказал Ихтиандр, — если хотите, я достану его.

— Даже мой отец, — лучший ловец жемчуга, — не мог бы достать его на этом месте, — сказала девушка.

— Все же я попытаюсь, — скромно ответил Ихтиандр, — и к удивлению Гуттиэрэ и ее спутника, юноша, даже не раздвигаясь, бросился в море с высокого берега и скрылся в волнах.

Ольсен не знал, что подумать.

— Что это, сумасшедший? Откуда он взялся?

Прошла минута, истекла вторая, а юноша не возвращался.

— Погиб, — тревожно сказала Гуттиэрэ, глядя на волны.

Ихтиандр не желал открывать перед девушкой того, что он может жить под водой. Увлечшись поисками, он только не рассчитал времени, когда подняться, и пробыл под водой несколько больше, чем это возможно для ловцов. Вынырнув на поверхность, юноша крикнул, улыбаясь:

— Немного терпения. На дне много обломков скал — трудно искать. Но я найду! — И он вновь нырнул.

Гуттиэрэ, которая сама не раз присутствовала при ловле жемчуга, была удивлена тем, что юноша, пробы под водой почти две минуты, дышал ровно и нисколько не казался утомленным.

Через две минуты голова Ихтиандра вновь показалась на поверхности. Лицо его сияло радостью. Он поднял над водой руку и показал ожерелье.

— Зацепился за выступ скалы, — кричал он совершенно ровным голосом, не задыхаясь, — как будто вышел из другой комнаты. — Если бы жемчуг упал в расщелину, пришлось бы повозиться дольше.

Он быстро вскарабкался по скалам, подошел к Гуттиэрэ и подал

ей ожерелье. С его одежды стекала вода ручьями, но он не обращал на это внимания.

— Возьмите.

— Благодарю вас, — сказала Гуттиэрэ, с новым любопытством глядя в лучистые глаза юноши.

Наступила короткая пауза. Все трое не знали, что делать дальше. Гуттиэрэ не решалась передать ожерелье Ольсену при Ихтиандре.

— Вы, кажется, хотели передать жемчуг ему? — сказал Ихтиандр, указывая на Ольсена.

Белое лицо Ольсена покрылось румянцем, а смущенная Гуттиэрэ сказала:

— Да, да! — и протянула жемчуг Ольсену, который молча взял, поклонился Гуттиэрэ и спрятал ожерелье в карман.

Ихтиандр торжествовал. С его стороны это была маленькая месть великану, получившему в подарок утерянный жемчуг через руки Гуттиэрэ, но от него — Ихтиандра.

И поклонившись девушке, Ихтиандр быстро зашагал по дороге.

Однако, приятное чувство удачи не долго владело Ихтиандром. Рой новых мыслей и вопросов теснился в его голове. Он чувствовал, что между ним и Гуттиэрэ возникло новое препятствие. Кто этот блочурный великан? Почему Гуттиэрэ дарит ему ожерелье, снимая со своей шеи? О чем говорили они на утесе? Что связывает их?..

В эту ночь дельфину опять была гонка. Ихтиандр носился на нем по волнам, пугая в темноте ночи рыбаков протяжными криками глубокой тоски.

Весь следующий день Ихтиандр провел под водой, в очках, но без перчаток, ползая по песчаному дну в поисках жемчужных раковин. Вечером навесил Кристо, который встретил его ворчливыми упреками, а на утро, уже одетый, юноша находился у скалы, где встречались Гуттиэрэ и Ольсен. Вечером, на закате, — как и в тот раз, первую пришла Гуттиэрэ.

Ихтиандр вышел из-за скалы и приблизился к девушке. Увидав его, Гуттиэрэ кивнула ему головой, как знакомому, и, улыбаясь, спросила: — Вы следите за мной?

— Да, — просто ответил Ихтиандр, — с тех пор, как увидел вас в первый раз... — И, смутившись, юноша продолжал: — Вы подарили свое ожерелье тому... Ольсену. Но вы любовались жемчугом перед тем, как отдать его. Вы любите жемчуг?

— Да.

— Тогда возьмите вот это... от меня! — и он протянул руку с лежавшей на ладони жемчужиной.

Гуттиэрэ вскрикнула от удивления. Часто заменяя в лавке отца, она хорошо знала цену жемчуга. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной сферической формы, чистейшего белого цвета огромная жемчужина должна была весить не менее двухсот каратов и могла стоить не менее миллиона золотых пезо. Гуттиэрэ долго не отрывала изумленного и восхищенного взгляда от необычайной жемчужины, потом с немалым изумлением посмотрела на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый и одетый в довольно измятый белый костюм, он не походил на юношей из «золотой молодежи»¹⁾ Буэнос-Айреса и, вместе с тем, он мог подносить королевский подарок девушке, которую он почти не знал!

— Возьмите же! — уже настойчиво и в то же время просительно повторил Ихтиандр.

Но Гуттиэрэ отрицательно покачала головой.

— Нет. Я не могу взять от вас такого ценного подарка.

— Ну, прошу вас.

— Нет.

Брови Ихтиандра нахмурились, ноздри нервно затрепетали. Он почувствовал себя оскорбленным... И с неожиданной горечью, он проговорил:

— Если не хотите брать для себя, то возьмите для того... для Ольсена. Он не отказывается.

Гуттиэрэ вдруг выпрямилась. Глаза ее потемнели.

— Он берет не для себя, — ответила она почти гневно. — Вы ничего не знаете!

— Значит, нет?

— Нет.

В следующее мгновение произошло нечто, заставившее Гуттиэрэ вскрикнуть. Ихтиандр крепко сжал руку, в которой находилась жемчужина, и бросил ее далеко в море. Затем, молча кивнув девушке, он удалился.

1) «Золотой молодежью» называли в эпоху Великой Французской Революции представителей аристократии и буржуазии — молодых шегелей, которые после 9 термидора (1794 г. — падение Робеспьера), постепенно осмелев, спешили «наверстать» упущенное ими время для прожития жизни, и своей распухлостью и легкомыслием бездельников уже тогда показали, что «революция ничему их не научила».

Этот поступок ошеломил ее так, что она несколько мгновений стояла без движения. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! В ней заговорило женское любопытство и раскаяние. Зачем она огорчила этого странного юношу с лучистыми глазами?

— Пойдите, куда же вы?

Но Иктиандр, подавленный и убитый, продолжал итти, низко опустив голову. Гуттиэре догнала его, зля

за руку и заглянула в лицо. По щекам юноши текли обильные, крупные слезы, — он еще никогда не плакал, и теперь недоумевал, почему предметы потеряли резкость, все контуры сливались, как под водой, когда он плыл без очков.

— Простите, я огорчила вас, — сказала девушка, взяв его за обе руки.

И когда он поднял голову, его глаза встретились с ее глазами.

(Продолжение в след. №)

КАК ВИДЯТ РЫБЫ?

Благодаря законам преломления, мир, рассматриваемый из-под воды, должен представляться наблюдателю в совершенно искаженном и неузнаваемом виде. Только предметы, находящиеся над головой подводного наблюдателя (напр. облако) не изменяют своего вида, так как отвесный луч не преломляется. Все же предметы, лучи которых встречают водную поверхность под острым углом, как бы сожмутся по высоте и тем больше, чем острее угол. Вследствие этого преломления дно водоема кажется в воде вогнутым, а поверхность — конусом окруженным по краям радужным кольцом спектра (разложение белого луча). За пределами этого конуса блестящая поверхность воды отражает подводные предметы (камни на дне, рыб и пр.). Но особый интерес представляют предметы, погруженные в воду наполовину, напр. рейка.

Наблюдатель, находящийся под водой в точке А, увидит бы в пределах угла 1 — дно реки, в пределах угла 2 — подводную часть рейки без всяких изменений, в угле 3 — отражение той же части рейки, то есть перевернутую погруженную половину ее. В угле 4 — надводную выступающую часть рейки, — но она не составляет продолжения первой, а переместится выше и вперед, совершенно отделившись от основания, и будет казаться сильно

укороченной. Люди, наполовину погруженные в воду, будут видны так, как это изображено на рисунке худ. А. Шпирера в этом номере нашего журнала (к роману «Человек-амфибия»).

Однако проверить простым опытом все эти выведенные теоретически особенности зрения под водой нельзя: преломляемость воды почти такая же, как человеческого глаза, вследствие чего все изображения под водой расплываются. Только в очках с сильной преломляемостью («тяжелый флинт-стекло») можно было бы видеть более или менее отчетливо. Что касается рыб, то они самой природой наделены таким «флинтстеклом»: их глазной хрусталик имеет чрезвычайно вы-

пуклюю — шарообразную форму. Только при помощи подводных снимков фотографическим аппаратом удалось получить изображения со всем своеобразием преломляющего действия воды.

Подробнее об этом — см. книгу Я. И. Перельмана «Занимательная физика».

БУБЕН ШАМАНА

Краеведческий рассказ Н. Алексеевского

Черное, глухое небо, прошитое каменными иглами звезд, низко висит над головой Тараса.

Тарас, укутавшись с головой в теплую «кухлянку» — длинную меховую рубашу — и нахлобучив на самые брови старую потертанную буденовку, лежит на дне санок и тяжелою воспаленным взглядом смотрит на синий звездный огонь. Во рту сухо, язык неприятно прилипает к горячему жесткому нёбу. Несмотря на крепкий трескучий мороз, Тарасу хочется напиться холодной воды.

Изредка он с трудом приподнимается на локтях и спрашивает мхнатную сутулую спину сидящего впереди его:

— Скоро ль доедем, Алесь?

— Го... Какой ты пряткий!... — хладнокровно, не оборачиваясь, ворчит мхнатая спина. — Только тридцать верстов от Якутска отехали, а впереди еще сорок...

Тарас тяжело валится в санки и опять начинает разглядывать звезды. Так много синих огней вверх, словно раскинулся там огромный город!

Лицо Тараса шевелит приятная улыбка, и думы мгновенно переносятся в прошлое...

Тринадцать лет назад, вот в такую же звездную трескучую ночь, уносили его санки к новой неведомой жизни, в дальние чужие края. Сначала мелькнул родной Якутск, потом другой, огромный, светлый город. В этом городе Тараса посадили в красный, крепко сколоченный дом на колесах и повезли куда-то по длинному железному пути. До того велик был этот путь, что луна, выбежавшая в начале его серебристой, резвой ланью из тайги, успела к концу состариться и умереть, а начисто бритая голова Тараса опять обросла густым колочим волосом... Но вот в последний раз скрипнул движущийся дом и прочно стал у великого города. О нем лишь краем уха слышал Тарас от мудрых всезнающих стариков, и название этого города было странное — Москва. Расплескалась она, как весняная Лена, без конца и без края, а буйной силой своей напоминала тайгу...

Тараса привели в большой стоковый дом, который, как переполненный пчелами улей, кишел солдатами. Жизнь здесь пошла по строгому приказу, изо дня в день, походя на жизнь домашней скотины. Много перетерпел Тарас от вечно злых и недовольных начальников. Часто крепкий кулак взводного или фельдфебеля бойко ходил по его скулам, и резкий крик заставлял его вздрагивать:

— Эй, ты, азиатская рожа!..

Потом Тараса куда-то везли, бросили в окопы и заставили стрелять. А когда тонкая пуля проколола ему ногу, дом на колесах уезз Тараса обратно в Москву. Выздоровел он скоро, но неведомо откуда явился большой тяжелый голод. Он с головы до ног сковал Тараса, и привычное к обильной еде брюхо его извивалось и ныло, словно от котей свирепого зверя. Вслед за голодом пришла другая война, которая загорелась прямо в Москве, на улицах, и это было особенно жутко потому, что не сразу почувеш в этих каменных дубрах, откуда грозит опасность.

Недолго воевали между собой два племени — богатые и бедные; не долго слушал Тарас горячий повсюд пуль, стреляя из-за баррикад. От осиных укусов их много полегло народу и солдат... Но вот бедные покорили богатых, и тогда вся жизнь Тараса резко изменилась. Не стало вдруг больше злых мордобоев-начальников. Полковой комиссар первый однажды подошел к Тарасу и сказал:

— Ты, Тарас, при царе, был в загоне. Теперь нет царя, и все мы братья — и ты наш равный брат. Учись же теперь жить по-новому. Твоя родина темна, и когда ты вернешься домой — ты должен принести туда много света. Ты сделаешь это, потому что руки твои сильны и ум крепок...

Годы бежали быстро, как летние дни в якутских полях. Тарас стал совсем другим человеком. Много он узнал такого, о чем раньше и не снилось ему. Думы Тараса разрослись в могучие деревьями такие желания появились в сердце, что просто самому было чудно.

Осенью пришел давно назначенный срок. Сказал полковой комиссар на прощанье Тарасу много хороших слов, дал бесплатный проезд и денег на дорогу, и поехал Тарас домой...

...Тарас вздрагивает, просыпаясь от приятного забытья; видения прошлого исчезают в морозной ночи...

Отрвав примерзший язык, Тарас выдвигает со стона:

— Вези, Алесь!.. Вези скорее...

В последний раз вырывается в его сознание резкий свист кнута; полозя санок начинают быстрее и быстрее обжигать твердый снег. Тарас успокаивается и глубоко опускается в какую-то черную яму.

* * *

Очнувшись Тарас от яростного лая собак и людских голосов.

Какие-то желтые, косоглазые рожи наклонились над ним и ласково, но, ему показалось, нестерпимо больно схватили его за руки и за ноги и поволокли...

Прошло, должно быть, много дней: Тарас то корчился от колющего озноба, то плавал в своем поту от столь же нестерпимой жары...

Было утро. Заря тонким розовым язычком, как молодая телка, лизала мутно-серый бычий пузырь на окне. Тараса вынесли из юрты и положили на снег, прикрытый лошадиной шкурой, головой в ту сторону, откуда молодой, румяный, через холодно-белые сугробы, шагал день.

Тарас осмотрелся кругом и увидел широкое колыло людских голов. Почтенные, убеленные сединами старики сидели в первом ряду, а из-за их белоснежных голов торчало много молодых, курчавых и нечесанных. Все они утробно и печально глядели на Тараса.

От этих пристальных взглядов Тарасу сделалось не по себе, он с трудом отвернул голову, но в эту минуту кто-то очень высокий и тон-

кий взмахнул черными руками над ним. Вглядевшись внимательно, Тарас увидел, что это был столб, вбитый как раз подле его головы, а черные руки — какое-то тряпье, перепутанное с прядями длинного конского волоса, привязанное к макушке столба. Позади этого столба, прямо на восток, стояло еще штук девять шестов и серой тонкой дорожкой дрожала перекинутая на них бичева, тоже увешенная пучками черной конской гривы.

Тарас долго смотрел на столбы, и вдруг откуда-то, почти забытое, всплыло в больном мозгу воспоминание...

Веревочная дорожка — по представлению суверенных якут — это путь, по которому уйдет душа жертвенной скотины к великому грозному богу Улу-Тойону¹⁾, чтобы там вознести молитву о выздоровлении Тараса.

«Шаманить, значит, будут» — подумал Тарас, и неприятное чувство, покоее на стыд и досаду, укололо его в сердце.

На средину круга шагнул высокий, морщинистый старик, на непокрытой голове которого были словно не волосы, а свежее выпавший снег. Он подошел к Тарасу, уселся на конскую кожу у его ног и неторопливо закурил черную, обожженную трубку. Перед ним поставили большую кружку с водой, пронизанной ледяными иглами. После каждой затяжки старик медленно отпивал из нее глоток. Огромный желтолицый бубен, как сухая ржаная лепешка, лежал на его коленях.

Тарас внимательно глядел на старика красными воспаленными глазами, но совсем понимая, сон это или явь?..

Вдруг из-за далекого, волнистобелого горизонта вынырнул тонкий изогнутый нож. Он встал в ослепительно яркой крови и струйки, стекавшие с него, мгновенно обрызгали-окровянили безмолвно-белое застывшее пространство.

По лицу шамана проползла корявая судорога. Сухие острые плечи, покрытые расписным кафтаном, унизанным бубенцами и побрязушками, pokrивились, передернулись скользкой дрожью. Из крепко стиснутых челюстей вырвалась икота, похожая на тяжкий стон. Бубен сорвался с колен старика, высоко взлетел над его седой головой, могуче вздохнул и заньл, полный свирепого отчаяния и жалобы.

Сидящие вокруг вздрогнули и отстремили свои взгляды на старика.

Но он опять уже сидел неподвижно, опустив голову к ногам больного, будто разом погруженный в глубочайший сон...

Но вот откуда-то издалека послышался звон — ласкающий и тонкий: так на ломких льдинках весной наигрывает солнце. С каждым миготом звук этот рос, крепчал и множился. В нем был — и вслип бубенцов, и стрекот неведомого птиц, и знойный зуд потроженного улья. Ближе, ближе... Громче, громче... И вдруг, будто с голубого неба, хлынул водопад шумный, рожочущий и грозный...

Шаман пришел в ярость; он с такой силой потрясал своим кафтаном, что бубенчики и погремушки рвались, бесновались и лаiali, как тысячи маленьких псов.

Хриплый гортанный крик разом оборвал эту дику музыка:

— О, дух могучий, Улу-Тойон!.. Ты владеешь краями подземными, ты владеешь над болезнями и смертью!.. Я, избранный тобой, я, сын твой ничтожный, умоляю тебя: не допусти черной улыбки смерти коснуться лица сына моего! Коли погибнет он, за кого принесу я тебе жертву? А я отдаю тебе корову и коня — самое лучшее, что есть у меня. Я все отдаю тебе!..

Тарас сделал громадное усилие, от которого, казалось, все мускулы бешено вскрикнули в его теле; он почти приподнялся наполовину с земли и, глядя округлившимися глазами на старика, резко взмахнул рукой и силно выкрикнул:

— Прочь!.. Уйди от меня, отец!..

Товарищ комиссар, он темный! Погляди, как он кривляется!.. Религия — опий!.. Я помню твои слова, товарищ комиссар. Они все здесь темные... Доктора мне!.. Отец, не трем бубен... Прочь!.. Ха-ха...

На глаза Тараса опустилась ночь. Он вытянулся и замер неподвижно.

Открыв опять глаза, Тарас увидел в юрте много народа. Терпкий тошнотворный запах поджаренного мяса и свежее-вытопленного жира навсквозь пропитывал воздух. Человек двадцать старых и молодых якутов сидели вокруг огромного вороха мяса и с жадностью раздирали рты. Старый Хобджия, отец Тараса, отрубая длинным ножом лучшие куски, усиленно потчевал гостей...

* * *

Шумным, бестрогоним стадом оленей промчались недели и месяцы. Время повернуло на весну, и Тарас совсем уже оправился.

¹⁾ Улу-Тойон — могучее злое божество (по верованию якутов.)

В юрте старого Хобджия, всеми чтимого шамана, вместе с первой ласточкой, свила себе гнездо вражда. Она незаметно и вкрадливо, как вечерние сумерки, заползла в сердце старого Хобджия. Непонятные мысли Тараса о больших городах, о машинах и, особенно, о бедном племени людей, смевших покорить богатых, стали все больше и больше раздражать шамана. Он уже ясно видел, как молодые якуты, даже девушки, часами просиживают около Тараса, слушают его слова, а потом ходят неделями задумчивые, с тайной мечтой в глазах, и уже непокорство в них скаывается, как у ручных, волчат, учувших близость леса...

— Ты умен, Тарас, но ум твой от гордости, — все чаще предупреждал

Прочь!.. Уйди от меня, отец!.. Не греми бубном!.. Товарищ комиссар, он темный!.. Они все здесь темныс... Доктора мне!..

Хобджия сына.—Смирись и не сей между нами злые свои семена ..

А Тарас, с загадочной улыбкой, всегда возражал одно:

— Темный ты, отец!.. Религия твой и мысли эти — от твоей темноты.

Однажды Хобджия не утерпел и, сильно разгневанный, закричал:

— Молчи!.. Ты — мой помет, как смеешь восставать на отца!.. Меня князь ¹⁾ слушает. А новый князь от вашей красной власти поставлен, но он у меня в ногах...

Сухое лицо старика искривилось от злости, в щелях косых, слезящихся от старости, глаз вспыхнул нехороший огонь.

Тарас не испугался. Он гордо встrialнул курчавой, смолисто-чер-

ной головой и, насмешливо прищурил глаза, дерзко ответил:

— То князь, а это — я!.. Я никому не покорюсь, потому что ты знаю, где свет и где тьма...

В тот же вечер Тарас пришел в юрту Алеся и сказал ему:

— Алеся, продай мне пару коней!.. Алеся удивился:

— Зачем они тебе? У твоего отца много. А тебе где коней поставить — сарая нет, юрты нет...

— Построю, — упрямо мотнул головой Тарас.

И с первым робким лепетом ручьев, когда снег на полях нестерпимо засиял, словно плавающее серебро, Тарас на паре коней с утра до вечера возил тяжелые бревна из тайги и сваливал их около наслга. Скоро он положил основу, и сруб быстро начал расти...

Нашлись у Тараса и помощники. Первым с пилой и топором пришел Алеся.

— Давай я тебе помогу, — сказал коротко.—

А то одному тебе тяжело...

В жару строй-

— Вчера Тарас, да поразит его великий дух Улу-Тойон, собрал в своей юрте ваших сыновей и дочерей и начал говорить им дерзкие речи. Он говорил: «ваши отцы темные, живут старым порядком. Надо перевернуть этот порядок. Не надо слушаться отцов, а надо жить по своему...» Еще он говорил, что мы долго спали, что глаза наши темны и мы; ничего не видим, как кроты... И позор голове мойей, на которой мудрость и лета положили почтенный знак — седины!.. Собака Тарас сказал, что мой священный бубен голен лишь на ночной горшок детям, а о моем высоком звании отзывался хуже, чем о последнем человеке... Терпимо ли это?..

— Что же нам делать с Тарасом?... — задумчиво теребя свой комольный подбородок, сказал князь. — Тарас умен и хитер, как лисица. Он в знати с Москвой... А Москва сильна.. Я сам боюсь Тараса.

Почтенные люди совещались долго, но придумать ничего не могли.

Тогда Хобджия сказал грозно:

— Ладно!.. Тарас—мой помет, и я отмету его своей рукой. Недолго осталось терпеть!..

В одно утро Тарас поднялся до рассвета, оседлал лошадь, за плечо перекинул мешок для поклажи и поехал в Якутск. Там ждало его немало дел. Самое важное было: отправить комиссару письмо в Москву. В этом длинном послании, заклеенном в серый лоскут бумаги вместо конверта, Тарас жаловался на темноту, спрашивал советов и в заключение просил прислать каких-нибудь книжек и картин о «новой жизни», а еще машину, что сама собой зажигает свет ярче солнечного и показывает на холсте живых людей. С этой машиной, по мнению Тараса, можно было бы сделать многое такое, что заставит поверить якутов в лучшую жизнь.

Едва Тарас скрылся за наслгом, как лицо старого Хобджия сквола крепкая забота. Он, словно опытная лисица, уже пронюхал и разузнал, куда и зачем поехал Тарас и когда должен был вернуться. Момент для осуществления давно задуманной мести показался ему очень подходящим. Но как и чем ее осуществить?..

День и ночь напролет маялась дума хитрая голова шамана. От бессонной ночи бодела у Хобджия голова, когда он вышел утром по хозяйскому делу из юрты. Это было как раз на другой день после отъ-

¹⁾ Князем якуты называют старшину или председателя совета.

езда Тараса. Сделав всего, лишь два шага от двери, он остановился, как вкопанный. На мягкой, пропитанной влагой земле, чуть чуть зарумяненной зеленью, отчетливо виднелись следы... Они двойным осторожным кольцом окружали юрту. Крут был не совсем правильный: в одном месте он близко подходил к двери юрты, а в другом — к сараю, где стояли самые лучшие кони Хобджия. Отсюда след напрямик уходил к тайге.

Хобджия вернулся в юрту сильно встревоженный. Он снял зачем-то, со стены свое старинное кремневое ружье, осторожно стер с него пыль рукой, заботливо осмотрел курки и вложил новый кремль. В дуло всыпал щедрой шепоткой порошу и всунул свинцовую пулю, величиной с орех.

Ночью он почти не спал, чутко прислушивался к малейшему шороху. Но короткая ночь прошла без тревоги, а утром он опять увидел те же следы.

Хобджия подвинулся такой ловкости ночного гостя и решил, что лучше, пожалуй, сходить к кому-нибудь из своих знакомых и попросить вместе с ним подстеречь на следующую ночь врага.

Хобджия так было уже и сделал. Но проходя мимо юрты Тараса, он вдруг круто остановился, глубоко задумался. Хитрая и злая усмешка провела на его поджаренном лице глинную борозду. Он тряхнул седой головой и молча вернулся обратно.

В юрте он долго шагал из угла в угол, сосредоточенно потирал костлявыми руками морщинистый лоб, что-то глубоко обдумывал.

— День туда, день пробудет там, — бормотал он себе под нос. — С солнцем выедет, к ночи будет здесь...

Когда небо затеплило звезды, Хобджия, осторожно оглядываясь, словно боясь посторонних глаз, вышел из юрты, держа какую-то ношу под полкой. У сарая он сбросил на земь большой кровавый кусок мяса, привязанный за длинную бичеву, и поволок его мимо своей юрты к черневшей на отлете юрте Тараса. Проволочив его до самой двери, он осторожно развязал веревку и, раскрыв дверь, бросил в пустую юрту кусок мяса, а сам крадущейся черной тенью скрылся в темноте...

* * *

Тарас подъехал к дому, когда восток едва улыбнулся ранней зарей.

Он спрыгнул с коня, отвел его в сарай, а сам направился в юрту. Он очень утомился в пути и спешил отдохнуть.

Но у самого порога Тарас остановился озадаченный: дверь была широко распахнута...

— Кто ко мне ходил?... — с недоумением подумал Тарас.

Словно в ответ на эту мысль из черной пасти юрты вырвался странный звук, похожий не то на сопенье, не то на сердитое ворчание.

Тарас схватился за нож и зычно крикнул:

— Кто там есть — выходи!..

Но черная пасть притаилась и не роняла больше ни звука.

— Верно мне почудилось... — решил Тарас. — Но кто, все-таки, открывал мою юрту?..

Он перешагнул порог, сию же минуту острым взглядом ворох густого сумрака, скопившегося в юрте. В это время кто-то мягко отступил от него и будто приснул коротким смешком...

Тарас догадался:

— Ах, ты, что ли, задумал пугать меня? Эй, Ах, ты дури!

Он смелей и решительней шагнул в темноту, но тут же споткнулся о что-то мягкое и теплое...

— Кто?... — уже со страхом вскрикнул Тарас, — но мягкие и страшные, сильные руки срабастили его за плечи.

Тарас пошатнулся и чуть было не грохнулся на пол. Однако он тут же вывернулся, сунув правую руку к ногу, висевшему у пояса, левой, на ощупь схватил за чье-то широкое волосатое горло. Холодная изморозь проползла жесткой лапой по его спине и неприятно оцарапала кожу.

— Медведь... — будто искра осветила спутавшиеся мысли в мозгу.

И как бы в подтверждение этой догадки — тяжелые лапы опять опустились на плечи Тараса, притиснули его к теплому, волосатому брюху, а лицо обожгло смрадное, горячее дыхание. Тарас далеко взметнул нож и, наугад, изо всей силы, всадил его в мягкую тушу. Яростный, оглушительный рев грянул, как гром, и, казалось, прорвал в ушах Тараса перепонки. Тяжелые, давящие лапы на минуту разжались, ослабели.

Тарас опять размахнулся, и еще раз острый и длинный нож впился в невидимого врага. Снова раскатистый рев потряс стены юрты, — и тут же, прежде чем Тарас успел отскокить, грузный разящий удар по ногам, как взмах дубины, повалил его на пол...

Тяжелые лапы опять опустились на плечи Тараса, притиснули его к теплому волосатому брюху...

В сумрачной глубине юрты, между зверем и человеком закипела смертная схватка. Что-то с грохотом упало, рассыпалось мелким звоном... Из распахнутой двери, в утренний едва уловимый шорох трав, долго вырывалось тяжелое рывканье зверя и порывистое дыхание человека. Но вот, шум отчаянной борьбы разом оборвался чьим-то хрипящим, предсмертным стоном; кто-то грузно забился в короткой судороге и затих...

* * *

Утро широко разбежалось злым стадом рыжих лучей по зеленым полям и лугам, когда старый Хобджия с торжествующей, но крохотной улыбкой стал посреди круга престащенных и почтенных людей шамана, расположившихся по зову шамана, на лужайке, перед юртою князя.

Он воздел желтые, сухие руки свои к солнцу и, звонко прогремев бубном, воскликнул:

— Хвала тебе, великий дух Улу-Тойон!! Нечестивый погиб от карающей руки твоей!..

Желтолицый бубен лязгнул зубами погремушек, издал сердитый, угрожающий звук.

Сидящие насторожили уши и с радостной надеждой посмотрели на шамана.

Хобджия поднял гордо голову и снова заговорил:

— Я видел этой ночью вещей сон... меня посетил великий дух Улу-Тойон и произнес кару над моим сыном. «Гибель его близка, — сказал дух, — она уже настала нечестивого. Черная тень смерти легла на его лицо. Отныне сыновья якутов будут жить покойно и дух злости не будет смущать их и наставлять их против отцов...» Так сказал мне Улу-Тойон.

Бубен снова покотился злорадно торжествующим хохотом. Желтая пасть его зашелкала клыками побрякушек. Судорожный, захлебывающийся смех его рос, становясь все злее и неистовее. Легкий утренний ветерок далеко разгласил его по наслегу. Со всех сторон, из юрт, выбегали якуты, жаждавшие вешего слова шамана.

Хобджия видел это, и торжество в груди его росло, ширилось вместе с хохотом бубна. Тонкая сеть морщинок заплесала на лице старика. Длинные палки ног задигались сперва на одном месте, потом сорвались, завихрили и понесли стучащее когтями тело шамана по всему кругу...

Но... вдруг бубен подавился чешето и смолк... и вместе с ним Хобджия врос неподвижным столбом в землю. Весело оскаленный рот его

— Рано ты, Хобджия, празднуешь победу. Гляди, не умер я, не поборол меня твой глупый Улу-Тойон!..

исковеркала ужасная судорога. Косые, узкие щели глаз в первый раз за всю жизнь широко раздвинулись и замерли, пристыли к одной точке.

Все повернулись и посмотрели в ту сторону, куда глядел шаман. Раздвинув властным нетерпеливым движением толпу, в круг шагнул Тарас. Лицо его было бледно, а на скулах и на губах виднелись пятна засохшей крови. Глаза в упор, как два метких дула, впились в старого Хобджия.

Суровый и жестокий голос его разорвал сдавленную тишину:

— Рано ты, Хобджия, празднуешь победу! Гляди, не умер я, не поборол меня твой глупый Улу-Тойон!..

Хобджия отшатнулся, словно отброшенный сильным порывом ветра. Бубен вывалился из его рук и с жалобным лаем покотился на средину круга, прямо под ноги Тарасу.

Положив на лицо гордую торжествующую улыбку, Тарас наступил на бубен ногой и громко сказал:

— Вот власть и сила твоя, старик!.. Гляди,—они подо мной!..

Тугая желтая кожа гулко треснула под тяжелым кованым сапогом Тараса. Брякнули в последний раз побрякушки, хрипло заняли покорно и грустно бубенцы. Казалось, что бубен испустил последний смертельный вздох.

И все видели, как на лицо старого Хобджия залегла вдруг лубокая белая тень. Желто-синий, беззубый рот его судорожно открылся, словно у рыбы, выкинутой на отмель, а руки схватились за горло. Он хотел кинуться к мертвому бубну и уже сделал было один неверный шаг, но зашатался и, как подгнивший дуб, от единого взмаха топора, рухнул на землю...

ДОКТОР ОРАНГ

Рассказ И. Дельмонта

Рисунки худ. В. Ватагина

Я почувствовал прилив жестокого гнева, когда, осмотрев ранним утром укрепленные среди густой листвы деревьев ловушки, обнаружил в них только ненужных мне животных. Оранг-утанов не было и в помине.

Уже три недели дурачили меня эти негодные обезьяны. Их в этой местности водилось не мало, но над моими ловушками они просто издевались.

Каждую ночь перекочевывал я с места на место, но все было напрасно. В первые дни в капканы попадали, главным образом, мелкие обезьянки, но так как они для меня интереса не представляли, то я выпускал их на свободу. Для того чтобы избавиться от этих докучли-

вых посетителей, я вынужден был прибегнуть к радикальному средству.

Оранг-утаны живут в средней части дерева и лишь в случае опасности поднимаются вверх; на землю же они спускаются очень редко. Мелкие породы обезьян, наоборот, копошатся по большей части на самых верхушках деревьев. Для того чтобы воспрепятствовать их приближению к капканам, мы смазали все ветви, ведущие к этим последним липкой массой. При попытке приблизиться к капканам маленькие плутишки пачкали лапы, пытаясь отделиться от этого липкого клея, вымазывали себе им и мордочки. Не будучи в состоянии держаться за ветви, они падали с деревьев и, бранясь и ворча,

устремлялись к воде, чтобы окунувшись в нее и вывалившись в песок, очиститься таким путем от клещей.

Я находился уже несколько недель в юго-восточной части гор Серibu, на острове Борнео (Азия). Целью моего приезда была ловля оранг-утанов. Фирма в Ливерпуле (Англия), для которой я работал, получила заказ добыть несколько экземпляров этих обезьян, в то время еще редко встречавшихся в зверинцах и в зоологических садах.

Восемь лет назад я в короткий промежуток времени поймал около дюжины оранг-утанов. За последние годы, благодаря усиленной колонизации острова, оранг-утаны перебрались вглубь болотистых лесов. Постоянные преследования сделали их очень пугливыми, и ловля их стала делом сложным и крайне затруднительным.

Туземцы—дайки попрежнему испытывали суеверный страх перед оранг-утанами. Об их силе ходили самые невероятные и жуткие рассказы. В одной деревне старшина—даек показал мне красную полосатую тигровую шкуру, на спине и у шеи которой видны были большие дыры. Тигр этот, по словам дайка, был убит колоссальным оранг-утаном. Старшина клялся, что он сам присутствовал при этом бое. Я лично сомневаюсь в правдивости рассказа, так как никогда не встречал на острове Борнео тигров, но и я был однажды свидетелем борьбы между леопардом и оранг-утаном, и из борьбы этой победительницей вышла обезьяна, хотя позднее она и погибла от полученных ран.

Оранг-утан живет в болотистых лесах, климат которых очень вреден

для людей. Моя верная спутница—малярия—снова посетила меня и несколько дней продержала в своих лапах. Запасы водки и хины заметно убывали.

Так как я всегда выходил победителем из борьбы с громадными армиями малярийных базилл, о чем свидетельствует мое упорное пребывание на белом свете, то и теперь, несмотря на температуру выше 39°, я дал себе клятву не сдаться и не покидать этой местности, пока в моих клетках не окажется по меньшей мере дюжины оранг-утанов.

Я, правда, уже приобрел путем покупки двух молодых орангов, но животные эти были слишком нежны и слабы для того, чтобы вынести путешествие.

Охотники часто подстреливали на деревьях самок, а детенышей продавали. Но я убедился на опыте в том, что эти сиротки никогда не вырастают в неволе.

Моя лихорадка несколько пошла на убыль; зато малярийные базиллы поселились в крови одного американца-охотника, который давно уже тяготил меня и мешал мне своей хвастливостью в вопросах спорта и страстью к охоте.

Измеряя температуру американцу, я увидел, что она не поднялась выше 37,8°; тогда я быстро, украдкой подогрел термометр на спиртовке и поднес его к испуганному на смерть охотнику: термометр показывал 40,3°!..

Американец бросил все и удрал вверх в горы с такой быстротой, какая только возможна при местных средствах передвижения.

Теперь-то, наконец, мне могло улыбнуться счастье. Снова продвинулся я с нанятыми людьми вглубь леса на расстояние двухдневного пути, расставил капканы и приказал вымазать верхушки деревьев клеем.

Здесь я ожидал удачи, так как именно в этой местности мне повстречалось несколько крупных экземпляров тех обезьян, за которыми я охотился.

Прежде всего я обнаружил на ближайшем из деревьев огромного оранга, который, переступая с одной ветви дерева на другую, с любопытством взглядывал на меня, а затем презрительно отворачивал голову. За этим субъектом следовала его супруга, но она меня не удостоила даже взглядом.

Мысленно я приглашал эту почтенную супружескую пару пожаловать ночью с кратким визитом в одну из моих ловушек, предпола-

Оранг свирелью заревел, заметив носорога...

гая, что этот визит затянется на неопределенное время...

Несколько дальше, у живописной рощицы, я имел удовольствие встретиться с прекрасным самцом-оранг-утаном; а на берегу болота, вблизи которого был расположен мой лагерь, увидел юношу-оранга, который, преследуя жеманную девицу, спустился на землю, но тотчас же опять исчез в густой листве...

Удивительно, с какой уверенностью эти большие обезьяны передвигаются по веткам деревьев. Они очень редко спускаются на землю, так как все необходимое для жизни имеют наверху. Для добывания еды и питья спускаться, вниз им нет необходимости. Плоды, молодые побеги деревьев, листья и сочные зеленые веточки вполне удовлетворяют колоссальный аппетит оранга, который проводит за собой от пяти до шести часов в сутки.

Большие листья пальмы рипа представляют собой прекрасные водохранилища. Роса и дождь никогда не дают им высохнуть.

Еще до того момента, как темный покров южной ночи внезапно спустился на землю, мы укрепили и ловко замаскировали среди листвы деревьев восемь ловушек.

В качестве приманки я выбрал дурian—лакомство не только для оранг-утанов, но и для людей. Я сам никогда не мог достаточно насладиться этими драгоценными плодами, обладающими оригинальным свойством: каждый из них имеет свой особый вкус, не похожий на вкус других. Вести это лакомство нам пришлось издалека, так как в этой местности его не водится.

Носорог шумно таянул воду из лужи под моим деревом.

Сидя на высоком «махане»¹⁾, на высоте пяти метров от земли, я с нетерпением ожидал стука захопнувшейся ловушки. Ночь была светлая и с моей вышки, расположенной в пятидесяти метрах от опушки леса, я мог, напрягая зрение, следить за тем, что происходит поблизости в лесу.

Я сидел закутанный в плащ и, прикрывая рукой красный огонок трубки, прислушивался к голосам ночи. Издали ко мне долетало рычание дымчатой пантеры, доносились голоса леопарда и обезьян. Ночные бабочки и птицы кружились вокруг коего воздушного жилища. Моментами все шумы замирали, словно по команде; лишь неунывающие москиты стройным хором распевали песни о болотной лихорадке. Но вот резкий звук, похожий на мычание коровы, прорезал тишину. Это не было мычание коровы — такой звук издает орангутан, когда сердится. Повидимому, какая-нибудь беспокойная маленькая обезьянка, либо другой любопытный зверек незаметно приблизился к его ложу.

Немедленно после наступления сумерек оранги укладываются на свое ложе, которое они устраивают из ветвей и листьев, и только с восходом солнца снимают с себя прикрывающие их листья пальмы. Для орангутана нет ничего неприятнее сырости. Во время дождя он старается укрыться всеми способами, либо заползает под густую листву.

Любопытно наблюдать поведение этих обезьян на рассвете. Каждую минуту орангутан высовывает длинную лапу из гнезда и ощупывает ближайшие листья и ветви. Пока ощущается хоть малейшая влага, оранги не за что не покинет своего ложа.

С восходом солнца ночной концерт прекратился, и дневные музыканты стали настраивать свои инструменты. Передо мной на «махане» повис заблудившийся шерстокрыл²⁾. Я оставил в покое эту редкую до Сьчу, так как шерстокрылы не переносят веревки, и быстро погнало в неволю...

В высокой траве неуклюже топтался малайский медведь; вдали копошились в земле дикие свиньи. Громкие бабочки дивной окраски перелетали с цветка на цветок, стрекозы необычайных размеров проре-

зали в разных направлениях сияющий ландшафт, птицы-носороги носились по лесу, испуская резкие гортанные крики. Обезьяны шумливо ссорились...

Солнце поднялось выше, и я с помощью бинокля мог отыскать то место, где накануне ночью самец орангутан устраивал свое ложе. Теплер мой знакомец спокойно сидел на ветке и с грустью покачивал головой.

От времени до времени он ощупывал ближайшие листья пальм. Метрах в десяти от него помешалась ловушка. Я обратил внимание на то, что оранг часто поглядывал в том направлении и к чему-то принохивался. Наконец он поднялся, лениво потянулся и громко зевнул. Во время зевоты он, пренебрегая правилами вежливости, не прикрыл даже лапой рта и обнаружил внушительные челюсти, которыми он без труда разрывает в клочья пантеру...

Со стороны леса внезапно послышался треск ветвей; из густой листвы вышел носорог и, переваливаясь, направился к луже под моим деревом. Сидевшие на деревьях обе-

Дик любил все ощупывать, обнюхивать и разглядывать. Маленькие обезьянки не смели возражать ему.

зьяны громко закричали, а некоторые из них, у которых морды и лапы были вымазаны клеем, свалились с веток и стали кататься по росистой траве. Оранг свирепо заревел навстречу носорогу, но вскоре, оставив от гнезда, прыгнул по направлению к ловушке, повис на ближайшей к нему ветке и стал принохиваться, выдвигая голову вперед. Соединенный аромат дуриана и лука — лук я развесил в ловушках ввиду его сильного запаха — произвел свое действие. После краткого колебания, оранг попытался заглянуть в ловушку. Ручкой он ощупал входное отверстие. Затем снова заколебался. Наконец, любопытство и прожорливость взяли верх и он вполз в ловушку.

Во мне проснулся спортивный азарт, я дрожал от волнения и малайяри. В этот миг раздался звук захопывающихся затворов ловушки, приведший меня в восторг. Теперь не оставалось сомнений в том, что в него попала желанная добыча.

Подойдя к носорогу тянул из лужи воду с таким шумом, какой производят многие люди, жадно поглощая суп.

— И тебе, дружок не миновать того же, — бормотал я про себя. — Завтра утром на твоём пути встретится ямка, в которую ты спокойно уллешься, а потом я, правда, не без труда, выгашу тебя из мягкой постели, усажу в клетку и отправлю в Мельбурн (Австралия), где в зоологическом саду приготовлено для тебя теплое местечко.

Я был очень доволен результатами моей экспедиции. За одну ночь в ловушку попало три орангутана — одна самка и два самца — и среди них тот великолепный экземпляр, который я наблюдал накануне. Всего на протяжении двух недель было поймано пять превосходных экземпляров орангутанов, носорог и множество мелких животных...

На трех плотках и одиннадцати лодках переправил я добычу на берег моря.

В моем зверинце я позволил орангутанам прогуливаться на свободе по большому двору, окруженному вы-

соким забором и сетками. К их обществу я присоединил трех тапиров³⁾, свору маленьких обезьян, одного лемура⁴⁾, совсем молодого малайского медведя и карликового мускусного оленя.

Большой оранг оказался самым кротким из всех животных. Он обдал совершенно необъяснимой страстью все ощупывать, обнюхивать и разглядывать. Тапиры и дикие свиньи энергично протестовали против этого и не подпускали его к себе. Олень же и малайский мед-

¹⁾ Род охотничьей вышки.

²⁾ Млекопитающее из отряда насекомоядных с широкой, покрытой шерстью складкой между передними и задними ногами; складка служит в качестве парашюта для порхания.

³⁾ Тапиры — род млекопитающих из отряда копытных.

⁴⁾ Млекопитающее из отряда т. н. полуобезьян; представляет нечто среднее между хищным и насекомоядным.

Дик сражается с тапиром, который не разрешил залезть пальцем к нему в ухо.

ведь сопротивления ему не оказывали, а маленькие обезьянки и не смели возражать. Orang брал их по очереди и, держа в коротких задних лапах, тщательно исследовал шкуру, нос и рот своих жертв. На их отчаянный писк он не обращал никакого внимания. Особенно его интересовало содержимое их зашечных мешочков и запах изо рта. Он раздвигал их челюсти и глубоко всовывал нос в рот барахтающейся жертвы. Если какая-нибудь обезьяна кусала его, он шлепал ее по щекам.

Дик — так назвал я orangа — очень скоро подружились со сторожами и внимательно осматривал их, когда они входили во двор, где помещались звери.

Однажды утром мое внимание привлёк сильный шум во дворе.

Дик сражался с одним из тапиров, который не разрешил orangу залезть пальцем к нему в ухо. Борьба ширилась, и скоро все обезьяны, от мала до велика, приняли в ней участие, кусая друг друга и других зверей.

Плетки и сильная струя воды водворили скоро мир, и борцы занялись зализыванием своих более или менее серьезных ран. Я же, перевязав собственные искусанные пальцы, принялся за осмотр пострадавших животных. Маленького гиббона¹⁾ изувечили так серьезно, что я был вынужден его пристрелить. Крупные

обезьяны во время боя изрядно повредили друг другу шкуру, и мне пришлось связать некоторых из этих забияк, так как иначе они никогда не позволили бы лечить поврежденные места.

Досталось также тапирам и другим четвероногим; лишь мускусный олень ничуть не пострадал. Во время перевязки и зашивания ран Дик ни на миг не отходил от меня. Он принял важный вид, сморщил еще больше чем обычно морщинистые губы и, хватая меня за руки, что-то энергично объяснял мне.

Другой orang очень серьезно пострадал от схватки с тапиром и от зубов своих товарищей, и мне пришлось внимательно заняться его ранами.

После того как я несколько раз шепнул по рукам Дика, старавшегося мне помогать, и прикрикнул на него, он стал позади меня и, как мне казалось, успокоился.

Внезапно за моей спиной раздался неистовый крик. Быстро обернувшись, я увидел Дика, державшего между задних лап мартышку, которая визжала и яростно от него отбивалась. Дик сорвал с нее наложенные мной повязки и прикладывал к ее только что очищенным и промытым ранам поднятую с земли мокрую зелень. С большим трудом нам удалось отнять несчастного пациента от не в меру усердного лекаря.

В последующие за этими событиями дни Дик был чрезвычайно занят. Большие обезьяны решительно отказались от его ухода и нам без конца приходилось отвлекать его от них. Но как ни следили за ним сторожа, он все же умудрялся поймать какую-нибудь обезьянку, чтобы использовать ее для своих врачебных опытов. Даже и маленького медвежонка доктор Orang не оставлял в покое.

Если я вначале полагал, что это была просто игра или естественное для orang-утана стремление к подражанию, то дальнейшие события убедили меня в неправильности подобного суждения.

Дик вел свое лечение по определенной системе. Он промывал раны либо языком, либо влажными листьями бетеля²⁾. Вокруг двора росло множество разнообразных деревьев, кустарников и трав, но Дик никогда не пользовался для лечебных целей листьями каких-либо других растений, кроме бетеля. Нельзя, конечно, предположить, что эта обезьяна была вообще знакома с целебными

свойствами трав и, в частности, с действием листьев бетеля на раны, но на основании моих наблюдений я смело могу сказать, что Дик никогда не употреблял других листьев или трав.

Каким прекрасным врачом по своему инстинкту был Дик, яствует из следующего происшедшего.

Однажды я заметил, что Дик печально сидит на бревне со склоненной набок головой: повидимому, ему нездоровилось. Я пощупал его пульс: рука была горячая, пульс очень неравномерен.

— Что с тобой, Дик? — спросил я и, словно поняв мой вопрос (конечно, это была простая случайность), orang-утан открыл рот. Во рту я не обнаружил ничего и прописал Дику суп, касторку и коденн. — Когда я вечером делал обход, состояние здоровья orangа не улучшилось. Я велел перевести его в дом, так как ночи были прохладные.

На следующее утро Дик исчез из дома. Он сидел во дворе, грелся на солнце и держал обе лапы прижатыми к левой щеке.

Когда я подошел ближе, то, к удивлению моему, заметил, что Дик вымазал левую щеку мокрой глиной, к нижней челюсти он приложил большой ком глины и даже рот набил глиной. Он печально посмотрел на меня, шша чего-то в моих руках, быстро забормотал, причем глина потекла у него по нижней губе. Теперь я увидел, что левая щека его распухла.

У Дика был сильнейший флюс, и он самостоятельно лечил его мокрой глиной. Спустя три дня он сам выдернул себе больной зуб и принес его мне, сияя от радости.

Дик всегда был осведомлен о болезнях и о недомоганиях других зверей.

Он первый узнал, что упомянутый в начале рассказа сирота orang-утан очень болен: у бедняги оказался туберкулез. Дик по целым

У Дика был сильнейший флюс...

¹⁾ Гиббон — род обезьян из семейства человекообразных.

²⁾ Бетель — перцовое растение.

дням, как любящая мать, таскал его на руках. Большой жаждал тепла и находил его у взерошенной шерсти Дика.

После того как Дик сделал наблюдение, что больному орангу дается три раза в день лекарство из бутылки, он всеми силами старался овладеть этой бутылкой, чтобы подкрепить своего маленького друга. Это привело к печальным результатам. В своем усердии доктор Оранг стащил каким-то путем бутылку с креолином, предполагая, повидимому, что все, находящееся в бутылках, должно быть целительным для его пациента; он силой раскрыв больному малютке рот и влил туда едкую дезинфекционную жидкость. Спустя полчаса пациент скончался. Этот случай напомнил мне старинный врачевный анекдот: «операция удалась; пациент скончался».

Одно было несомненно: Дик медленно угадывал, когда какое-нибудь животное заболело. Тогда он хлопотал около больного и всеми силами старался, если мог, помочь лечением, развлек пациента какой-нибудь шуткой.

Но еще любопытнее было то, что Дик угадывал, когда заболел я или кто-нибудь из сторожей. Он был тогда настолько внимателен, что его силой приходилось удалять от постели больного.

Доктор Оранг, вопреки свойствам своего племени, отнюдь не был ла-

комкой и никогда ничего не воровал, но однажды я застал его врасплох, когда он спешно глотал горсть облаток хины. Он очень был недоволен, когда я дал ему рвотное лекарство и ввел в пищевод павлинье перо, чтобы ускорить рвоту.

Один приезжий бельгийский комиссар тайно дал Дик у литровую бутылку рома-арака.

Доктор Дик силой раскрыв маленькому орангу рот и влил туда целую бутылку креолина.

Оранг втихомолку напился допьяна, заболел и свалился с высокой лестницы, держа в руках тяжелую глиняную миску...

Целые недели Дик находился между жизнью и смертью. Глубокая рана в груди, доходившая до ребер, не заживала. Трогательно было смотреть на Дика во время перевязок: он помогал насколько мог. Темно-

коричневыми пальцами держал он края раны, спокойно давая промывать ее, никогда не пытался укусить человека и был явно благодарен за уход. Когда Дик вполне оправился, он снова стал заниматься лечением и старался быть полезным всем больным.

Наконец, Дик был отправлен в зоологический сад в Рио-де-Жанейро (Южн. Америка). Я написал письмо директору сада, рекомендуя ему дать как можно больше свободы оранг-утану и позволить ему находиться среди других обезьян, так как он обладал способностью безошибочно обнаруживать болезнь у других животных.

Мой полезный совет, к сожалению, не был принят во внимание. Дика заперли в клетку и оставили в полном одиночестве. Уже спустя несколько недель он стал заметно тосковать, перестал обнаруживать свои недюжинные умственные способности и сильно опустился, так как никто не уделял ему особого внимания.

Спустя три месяца Дик умер, якобы от катарра кишек. Я же утверждаю, что он умер от тоски... На клетке Дика красовалась глупая дощечка с надписью:

Осторожно, кусается!

Бедный доктор Дик! А ты ведь за всю свою жизнь и не попытался укусить кого-нибудь!..

НЕОЖИДАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ

(К рисунку на обложке)

Ничего не было удивительного в том, что в Индии происходили военные действия. В этой «верной» английской колонии не проходит и месяца, чтобы метрополия не воевала с каким-нибудь из своих многочисленных подданных народов. Впрочем, это называется не воевать, а «усмирять бунт наглых мятежников»...

На этот раз «взбунтовалось» небольшое племя Сирмур, живущее по верхнему течению Ганг?. Немногочисленность племени не помешала ему оказать настолько серьезное сопротивление, что местных английских войск, для подавления восстания, оказалось недостаточно. Срочно был вызван из Алахабада наподому батальон отборных колониальных солдат.

Англиское командование, не очень-то надеясь на стойкость своих бойцов, уже давно обещало прибавку к тому мизерному жалованью, которое получали солдаты, служившие в дальних, климатически нездоровых, провинциях Индии. Эту прибавку, состоящую из немалого количества фунтов стерлингов, запаковали в ящики и погрузили на то же военный пароход, который vez транспорт колониальных войск.

Первую половину плавания проделали благополучно. Но чем дальше вверх по

реке, тем больше и больше попадалось в русле Ганга плывучих деревьев, усесенных водой. В конце концов, деревья и плывучие островки так затормозили фарватер, что пароход мог пробираться только с трудом, часто останавливаясь и даже возвращаясь обратно. Зато, когда выходили на чистое море, не жалели паров и неслись вперед с предельной скоростью: батальон боялся опоздать. Резкие и частые перемены в давлении паров очень вредно отзывались на машине. Если же принять еще во внимание то, что механик-индус вовсе не был заинтересован в спешности плавания, то ничего нет удивительного в том, что в один далеко не прекрасный для англичан день паровой котел взорвался, и пароход затонул раньше, чем можно было успеть что-либо предпринять. Механик погиб во время взрыва, погубило еще несколько десятков солдат, остальным удалось спастись. Офицеры повели дальше батальон лешком, по берегу реки. Теперь они уже наверняка должны были опоздать...

* * *

Для поднятия затонувшего судна, а главное—для спасения ящиков с фунтами, было послано вспомогательное судно с

водолазами. На место гибели спустили специальные плоты, установили на них воздушные насосы, по берегам раскинули палатки и приступили к работе.

Однако с первых же дней стало видно, что скоро здесь не управиться. Дню реки оказалось таким илистым и так было завлено затонувшими деревьями, что водолазы еле-еле могли передвигаться по нему. Мутная вода не пропускала свет даже сильных электрических фонарей. Вдобавок людей сильно беспокоили многочисленные насекомые, ядовитые змеи и всевозможные неприятные пресмыкающиеся. Появились около лагеря и крупный зверь: тигр, носорог, кабан. Особенно же плохо стало завоевателям, когда в окрестных лесах появились враждебные туземцы. Нападения их особенно нервировали водолазов. Дальнейшее показало, что спасения эти были достаточно серьезны...

Вот, что произошло на шестой день работы.

Часа в два пополудни очередь спускаться в воду выпала на долю старого, опытного водолика — Тома Виссон?. Привычно подставляя ноги и руки, он дал натянуть на себя резиновую рубашку, пролез для прикреплением четырех пловых грузов на спине, на груди и на но-

гах, велел подтянуть слабый шкерт¹⁾, попробовал сигнальный линь, крепость шланги. Потом усложился со старинной о лобовых сигналах, протянул доктору пульс и кивком головы дал знать, что все готово и можно навинчивать шлем. Товарищи пожелали Тому «счастливого пути» и помогли ему добраться в его семипудовой одежде до лестницы.

На первых пяти метрах было еще довольно светло. На десятом метре под водой стало так, как бывает на поверхности земли в темные сумерки: на расстоянии двух шагов можно было различить кое-какие большие и резко очерченные предметы. Дно здесь было на пятнадцать метров. На этой глубине был искусственный освещения Том еле видел пальцы вытянутой руки. Он зажжет фонарь, но и тогда окружающая его темнота не рассеклась, а только отодвинулась на несколько шагов. Давление воды вздуло пузырь на груди и у шеи резиновую рубашку.

Сопротивление воды настолько велико, что водолазу приходится обычно ползти на четвереньках по дну. Но у Тома Виссона был свой особый способ передвижения под водой: он плыл, сильно откинувшись назад и крепко упираясь ногами в грунт. Водолазный костюм, в котором Тому пришлось спуститься под воду, был очень примитивный. На нем не было даже вентиляционного ранца.

При каждом движении водолаза со дна поднимались непроглядные тучи взбаломученного ила, и Виссону то и дело приходилось останавливаться и ждать, пока муть успокоится или пока течение унесет ее. Наконец он дошел до того места, где до него работали другие водолазы. Тогда он потребовал сверху топор и приступил к работе.

Нужно было прорубить дорогу в нагромождении затонувших деревьев, закрывших глубоко погруженный в ил парок. Под водой взмахивать топором было очень неудобно, удары получались неправильные, и дело подвигалось крайне медленно. Несколько раз Виссон прерывал работу, чтобы сигнализировать, что ему мало воздуха, и что надо качать сильнее.

Вдруг, когда уже осталось перерубить лишь один небольшой ствол, чтобы кончить назначенный урок, и Том уже предвкушал удовольствие выхода из воды, известное только одним водолазам, он почувствовал резкую убыль свежего воздуха. Он быстро и тревожно задергал сигнальный линь. Каков же был его ужас, когда линь вдруг — без всякого сопротивления — потонул в иле! Подняв голову, водолаз, увидев, что конец линя болтается в воде над его головой. Никогда еще не приходилось переживать таких минут Виссону. Догадываясь о том, что наверху произошло что-то очень плохое и теряя надежду на спасение, Виссон стал терять воздушную шлангу. Но ответа никакого не было, никто его не поднимал, а приток нового воздуха и совсем прекратился. В стальном шлеме наступила жуткая тишина. Лишь отчаянно шумела в ушах кровь, а сердце, казалось, готово было пробить гранулу клетку...

В шлеме и вздутой резиновой рубашке был маленький запас воздуха, уже половину исчерпанного. Он мог поддержать жизнь водолаза в течение нескольких минут. В эти немногие минуты нужно было успеть спастись. Но как? Виссон попробовал кинуть карабкался вверх по шлангу, но он слишком ослабел от ДОЛ-

того пребывания под водой и не смог подняться даже на метр от дна. К тому же, когда он повис на шланге, послышался лопнувший шланг и Том упал на дно. Под тяжестью человека, да еще находящегося в воде, шланга лопнуть сама по себе не могла — это Виссон знал твердо. Значит, произошло то, что так пугало всегда водолазов: на лагерь водников напали туземцы, переломали водолазные машины и разорвали шланги и сигнальные лини!

Водолаз призвал на помощь всю смекалку, и она подказала ему, что единственный способ спастись — это итти к ближайшему берегу и выбраться на него. С трудом сооробив, в какую сторону лучше всего итти, Виссон тронулся в путь.

Он лез через деревья, пробирался сквозь чащу водорослей и затонувших кустов, проваливался в глубокие ямы, карабкался на высокие камни. Вода, вошедшая в шланг, сдвинула воздух в шлеме и рубашке. Дыхание Виссона было отрывистое, короткое, иногда оно вовсе прекращалось. Скоро оборвался электрический провод. Фонарь потух. Сознание Виссона не работало. Водолаз был в беспомощности, и только инстинкт самосохранения двигал вперед этого полумертвого человека.

Постепенно дно стало подниматься, становилось все светлей и светлей. Но Виссон не видел света. Его глаза были закрыты. Он чувствовал, что итти стало много тяжелей. Все сильнее и сильнее тянуло книзу тяжелая одежда, и несколько раз Том упал на дно, лежал на нем без сознания, а потом со стоном продолжал тащиться дальше...

...Виссон совершил подвиг: в водолажном семипудовом костюме он выбрался на берег. Но дальше он итти не мог. Не мог и открыть шлеме, чтобы впустить в него свежего воздуха. Здесь же, у самой

воды он упал — и остался лежать без движения...

Тот воздух, который был в рубашке, мог лишь отравить кровь, а уж никак не питать ее. Берет, на который выбрался Том, был закрыт со всех сторон густой стеной зелени, и из лагеря никто не мог видеть водолаза. Находясь уже на грани спасения, Виссон должен был бы немедленно погнубить, если бы к нему не пришла помощь с совершенно неожиданной стороны.

Из лесу вышел к реке на водопой большой и сильный тигр. Увидав водолаза, он долго ходил вокруг него, соорбжая, очевидно, съедобна ли эта непонятная штука. Потом схватил Виссона зубами за рубашку и с довольным урчаньем потащил в чащу. Он надеялся этой добычей доставить большое удовольствие своим детенышам. Однако, ноша оказалась не из удобная. Но притом этого пленного водолаза ничего не имело тот плен, из которого он только-что вырвался, был куда страшней! А главное — здесь было так много прекрасного, свежего воздуха!..

Увидев, в каком положении он находится, Том размышлял недолго. На поспе у него был большой и крепкий нож. Он очень мягко и удобно вошел в желтую шкуру тигра. Произошла короткая борьба: Тигр ударил Тома лапой по голове, но когти соскользнули со стали водолазного шлема, не причинив никакого вреда. Второй меткий удар ножом решил дело...

Выйдя к лагерю, Виссон оказался пленником, потому что лагерь был в руках туземцев. Но притом этого пленного водолаза ничего не имело тот плен, из которого он только-что вырвался, был куда страшней! А главное — здесь было так много прекрасного, свежего воздуха!..

В. Белоусов.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

ЮБИЛЕЙНЫЕ СОВЕТСКИЕ МАРКИ.

В одном из очерков — «Октябрь в филателии»²⁾ — мы проследили все важнейшие выпуски советских марок, имевших хождение в течение первого десятилетия великой революции.

Перед юбилейной серией, выпущенной в ознаменование 10-летия Октября, вышли марки улучшенного типа, на меловой бумаге, с изображением рабочего (рис. 1) и крестьянина (рис. 2).

Юбилейная серия, состоящая из семи марок различных достоинств, представляет главные этапы борьбы за утверждение пролетарской диктатуры, а также дает типы народов, населяющих территорию Союза ССР.

На одной из марок этой серии (рис. 3) — мы видим грузовик, наполненный восстановившимися вооруженными рабочими, узнаем характерную фигуру Ленина, держащего в уверенных руках развевающееся красное знамя, на котором, еще по старой орфографии, красуется надпись: «Вся власть советам!». Вожь произносит речь перед массой демонстрантов, построенных близ грузовика в стройные колонны.

На другой юбилейной марке — профили рабочего, красноармейца и крестьянина (рис. 4).

²⁾ См. «Вокруг Света» № 11 за 1927 г.

Затем марка, изображающая рабочего, еще недавно стоявшего за мирным станком, а теперь заряжающего винтовку вместе с матросом балтийского экипажа (рис. 5). На линах обоих написано воодушевляющее и готовность к дальнейшей борьбе и новым победам.

На следующей марке (рис. 6) — Смольный в героической Октябрьские дни 1917 года. Вышедший ранее закрытым привилегированным учебным заведением для дворянских дочерей, он сыграл во время октябрьского переворота колоссальную роль: именно отсюда посыпал Владимир Ильич свои указания восставшему питерскому пролетариату; именно здесь, в этом самом здании были опубликованы первые большевистские декреты.

Историческую роль Смольного в художественной форме описывал американский журналист Джон Риб (один из немногих в те дни иностранцев, дружественных Советам) в своей знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли Мир», вышедшей ряд изданий и переведенной почти на все языческие языки мира.

На марке, по своей цене подходящей для заграничной корреспонденции, нарисована карта СССР, — государства, занимающего одну шестую часть света, — (рис. 7), при чем территория Союза обозначена красной краской.

Затем встречается марка, изображающую представителей шести народов, из числа населяющих территорию Советского Со-

¹⁾ Веревка, удерживающая грузы от всплывания.

юза: русского, украинца, белоруса, грузина, узбека и самоа (рис. 8) Советская власть, раскрепостившая малые народы, находившиеся ранее в вековом невежестве, тем самым призвала их к строительству новой, свободной жизни. Национальное размежевание и возникновение Союзных республик в Средней Азии — тому пример.

Наконец, на последней юбилейной марке, на фоне Кремля (рис. 9), в овале — предстатели трех главнейших народов Востока: индус, малаец и китаец, братья которых еще изнемогают под гнетом своих «культ-

чем две копейки от продажи каждой марки шли в фонд помощи беспризорным, а 8 и 18 коп. — на оплату простого или заказного письма.

Укажем также на марку (рис. 12), выпущенную в честь VI Международного Конгресса рабочих-эсперантистов, состоявшегося в 1926 г. в Ленинграде. Эта марка является одной из трех (и второй по времени), вышедших с текстом на языке эсперанто. Раньше была выпущена марка в честь изобретателя радио — Попова, и позже — в честь основателя языка эсперанто — д-ра Замегнофа).

турных» порабителителей: англичан, французов, голландцев к прочим пришлым «цивилизаторам», беспощадно эксплуатирующих туземное население.

Написи слова «Почта», помимо русского, следины также на украинском, грузинском, армянском и тюркском языках.

Отметим в заключение несколько марок, не описанных в № 11 нашего журнала за прошлый год.

Для оказания помощи беспризорным детям были выпущены благотворительные марки двух рисунков — с портретом В. И. Ленина в детстве (рис. 10) и с изображением ребят (рис. 11) — в 10 и 20 коп., при

В ознаменование десятилетия со дня основания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, исполнившегося 23 февраля текущего года, выпущена красочная серия марок, с изображением пехотинца (рис. 13), матроса (рис. 14), кавалериста (рис. 15) и летчика (рис. 16). Таким образом, альбомы наших филателистов совсем недавно обогатились новыми художественно исполненными марками.

А. Ч.

1) См. «Вокруг Света» №№ 9 и 11 за 1927 г.

КТО БОЛЬШЕ ЗНАЕТ???

ВТОРАЯ СЕРИЯ ВОПРОСОВ

1. Какая река СССР впадает в море своего названия?
2. Под чьей властью находится Гвиана (Южная Америка)?
3. Когда и где родился Христофор Колумб?
4. Что такое джонка?

Что будет с компасом в Гудзоновом заливе Сев. Америки? В какой стране находятся Валдайские горы?

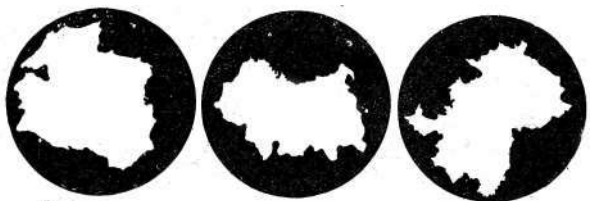
Какие три, совершенно не сходные друг с другом, явления природы называются хамелеоном?

8. Кто из древних философов сказал: «Вокруг Средиземного моря люди живут, как лягушки вокруг пруда»?
9. Что такое эйкумена?
10. Может ли ядовитая змея смертельно ужалить человека?
11. Назовите животное, которое в момент углоления жажды или голода стибается влюде.
12. Что называют Австралией, Австралией и Австральным?
13. Какая часть света омывается тремя океанами?
14. Чем занимается наука палеонтология?
15. Какие города СССР носят названия морей, на берегу которых они расположены?
16. Кто изобрел барометр?
17. Что такое террасы?
18. Кто и когда совершил первое кругосветное путешествие?
19. Какие естественные границы и какую Европейскую страну заключают в равнобережный треугольник?
20. О чем говорит название реки «Нева»?
21. Почему сохранившиеся от разложения тела называются мумиями?
22. В какой республике находится озеро Байкал?
23. Что в компасе считают азимутом?
24. Из могущих жить в человеческом организме паразитов назовите самое длинное.
25. Какова длина Волги?
26. Почему не замерзает вода в колодезе?
27. Какая птица, вожающаяся в Южн. Америке, может вполне заменить собаку в хозяйстве?
28. Что называют Океанией?
29. Назовите родину слептры.
30. Как называется учение о возможности продолжения человеческой жизни, поставленное на научную почву Мечниковым?
31. Какие животные из породы оленей водятся в Африке?
32. Что такое кинология?
33. Какой остров СССР носит название основной части паровоза?
34. Кто первый совершил полет на искусственных крыльях?
35. Кто такие были пигмеи?
36. Что такое астероиды?
37. Где находится город Дарвин и порт Дарвин?
38. Какова длина меридиана?
39. Какого великого астронома инквизиторы заставили отказаться от своего учения?
40. Что называют мангейским золотом?
41. Какой берег у оврата считается правым?
42. Что такое терменкок?
43. Где выднее разводит кoster?
44. Какие два знаменитых путешественника перешли в двух местах Гренландию?
45. У какого живого организма электричество служит средством защиты?
46. Какой австралийский остров носит название распространенного австралийского животного?
47. Кого называют аборигенами?
48. Что такое циклон?
49. Какие птицы азиатской части СССР не вьют гнезд на деревьях, а устраивают их на земле в выгребаемых ими ямах?
50. Назовите самое холодное и самое жаркое место на земле.

Ответы в редакцию не присылают, а сверяются с ответами в следующем номере журнала.

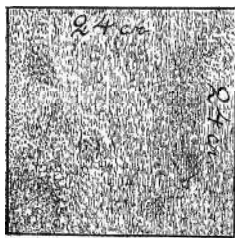
Шевели мозгами

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА (Малешкевичи на В. В., м-ко ВезириноЧ)

Переведите эти кружки с белыми фигурами на кальку или прозрачную бумагу, а затем наложите их друг на друга так, чтобы вместо белых пятен получились силуэты одного из материков.

СМЫШЛЕННЫЙ СТОЛЯР.

Одному столяру была заказана квадратная доска из орехового дерева, размером 25X25 см. Мастеру не хотелось покупать новый дорогой материал, и он решил для этой работы употребить две старые имеющиеся у него ореховые доски: одна из них была размером 24X24 см, другая 7X7 см.

Подумав, столяр распилл большую доску на три части, а затем, добавив маленькую, он склеил их так, что у него получилась доска размером 25X25 см. Каким способом это сделал смышленный столяр?

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 1.

Задача буквы

Д	и	п	м	ш	к	г	р	ж	п
р	ж	о	а	а	о	и	а	о	а
о	п	э	р	в	о	д	и	а	
й	ц	м	к	о	п	ш	ш	у	ш
ф	а	а	а	л	о	а	а	е	м

Читателю В. Быкову из Серпухова удалось найти побочное решение, отвечающее всем условиям задачи. Вот оно:

Ф а н и п а в д к д Н
у л л о а о в н о е
р л а р е в и о с ж
а а ж м о н р г в о
ж а а м л а н д
Поломаной линией получается "Фламмарин"

Ответственный редактор В. Нарбут.

АСФАЛЬТОВАЯ ДОРОЖКА.

Одно житоварищество под свои постройки занимало поле в 60X60 кв. метров и кроме того еще участок земли, соприкасающийся с дорогой. Желая отгородить часть своих построек, правление т-ва решило поставить забор по прямой линии, проходящей через три дерева (см. рис.). Около: среднего дерева решено было сделать калитку, и от нее к воротам, выходящим на дорогу, провести асфальтовую дорожку. Какой длины должна быть эта дорожка, если

но, что длина забора от калитки до дерева, стоящего на дороге, равна 91 метру?

КУБ.

Какова длина стороны куба в футах, если: 1) число, выражающее площадь всех сторон, равно числу, выражающему объем куба, 2) если число, выражающее площадь всех сторон, равно квадрату числа, выражающего объем куба, 3) если квадрат числа, выражающего площадь, равен числу, выражающему объем куба.

Загадочный забор:

На доске раньше было написано:

Цифрами обозначены номера досок в том порядке, как они сколачивались в забор.

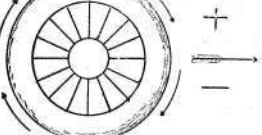
Кубики:

Для решения этой задачи не требовалось написать все слова, которые можно составить из этих кубиков,— а их может быть составлено более 100.000,— а только очень незначительную часть этого количества. Цель этой задачи была выявить внимание читателя, но никто не прислал безошибочного решения. Все читатели писали такие слова, которые не могут быть составлены из данных кубиков, так как все различные буквы находятся на одном кубике, что и дает возможность сложить из них нужное слово. Например, один из читателей написал слово "Борнео". Это слово не может быть составлено из данных кубиков, так как буквы Б и Н находятся на одном кубике. Наибольшее количество правильных слов (303) прислал т. Александрович (Карлювка), на кроме этого 12 слов неправильно.

Любителям фотографии:

Работал фотограф с обыкновенным объективом. Каждая точка колеса совершает сразу два движения: обращается вокруг оси и в то же время подвигается вперед вместе с осью. Происходит сложение двух движений—

но результат получается для верхней и нижней части колеса не одинаковый. Вверху вращательное движение колеса прибавляется к поступательному, так как оба движения направлены в одну и ту же сторону. Внизу же вращательное движение направлено в обратную

сторону и, следовательно, отнимается от поступательного. Таким образом для глаза и фотографического объектива нижняя часть колеса движется медленнее.

Примечание: Правильное решение этой задачи прислали только т. А. Рейдер (Ленинград) и Н. Н. Постников (Баку).

Любителям математики:

Из рассмотрения фигур мы замечаем, что последняя фигура долимого снесена в частности, а это показывает, что она равна 0. Подставляя ее в соответствующие места, дальше при

$$\begin{aligned} &A=1; B=2; C=3; D=4; E=5 \\ &F=6; G=7; H=8; I=9; J=0 \end{aligned}$$

помощи незамысловатых рассуждений мы постепенно находим и все остальные числа, подставляем их вместо соответствующих фигур и получаем следующие:

$$3116752740 : 83721 = 35910.$$

Примечание: Подробного объяснения не даем в виду того, что почти все читатели решили и объяснили эту задачу правильно.

Правильные решения задач до 1 марта с. г. прислали следующие читатели:

Москва: Бердичевский С.А., Болдырев Р., Бровкин А., Гилзбург, Жаскин А., Жидлов В., Клепиков П. И., Крутов О., Кулашев С., Курор, Молчанов, Мост, Костя Руса, Недалюнев Г., Подольский А.А., Салтыков И., Смолянинов В., Горюнов В. И., Чернов А., Шмеман А., Шустров П.

Из провинции: Аветисов А., Александрович, Алимков Е. А., Аманченко Р. С., Андреев, Анищенко Ю. и Т., Аристов Ю., Ариет Г. Р., Базилевский М., Балабев Н., Баяев, Бар... (перезабол), Б., Бельев Л., Берншайн Э., Боголюбов А.В., Богородский С., Бондарева Пенза, Бондаренко Ф., Букреев С., Бунескул Е., Бутенко Б., Быков В., Вайцман М., Ваюин, Гершенич М., Головин В., Голубов Н. А., Голыфельд В. М., Гончаров Б. М., Дьяконов А. И., Добрин Г., Долгов С. В., Дороницкая Е., Дубовин П. А., Егоров П., Елисеев З. е. л., Зельдин А., Злыгостев Н. С., Иванов В., Казанченко П., Калмаков Ив., Карноухов М. А., Каспарян П., Кичанов, Клейн Е., Колобакин М. М., Крамаренко М., Крамарянский В., Кузнецов К. П., Кузнецов П., Куркин М. М., Ланько А. Д., Лобозем М. И., Левит Я., Леонидов И. Н., Леонидов П. В., Лодылева В., Мандельский И. М., Милкин И. М., шов В., Мочалова Т., Мураза Н. О., Новопольский С., Омельченко А., Павлинский И., Парфенов В. А., Перел Д. А., Перфильев Г. С., Петров М., Петропановский П., Ракита И., Рейдер А., Рогожин Д., Родович В., Рожанец В., Самуйл М., Рыбаков, И. И., Савик Г., Сакуш П. Ф., Сазонов В. В., Салтыков В. И., Семьянников С. П., Сергеев П. И., Серединский М., Скурило Р. И., Слесарево И. С., Соловников С. С., Спелешников В., Татарчуков Р., Тельдус Ю., Ткачев И., Третьяков Л. А., Третьякова Н., Тумьсов, Усанов В., Фабрикант С. И., шин М., Харузин М., Хрестов В., Йеманов К., Чуковский Б. С., Чухач И. С., Шахнович И., Шульга А. А., Шуклин И. А., Яшков А. П., Юзефовский И. Ш.

Почтовый ящик.

Гельфенберг В. (Москва), Янков А. (Черкасс, Трубиночн К. (Елец). Задачи для нашего журнала не подходят, передадим их в другие издания.

Крутлов (Москва) Чудновскому Б. С. (Кресланы письма почтой 5 февраля с. г.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
ДО КОНЦА 1928 г.
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ**

„НАША ГАЗЕТА“

(ВЫХОДЯЩУЮ В 4 ИЗДАНИЯХ)

1-е ИЗДАНИЕ
„НАША ГАЗЕТА“
без приложений

1 мес.	— р. 75 к.
3 „	2 „ 25 „
6 „	4 „ 50 „
До конца года	7 „ 50 „

На 2-е, 3-е

и 4-е

ИЗДАНИЕ

ПОДПИСКА

ПРИНИМАЕТСЯ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

ЗА НАЛИЧНЫЙ

РАСЧЕТ

3-е ИЗДАНИЕ
с приложением
еженедельн. журнала
„ЭКРАН“

1 мес.	— р. 95 к.
3 „	2 „ 85 „
6 „	5 „ 70 „
До конца года.	9 „ 50 „

4-е ИЗДАНИЕ
с приложением двухкн.
журн. **„ВОКРУГ СВЕТА“**
(„ЗИФ“)
и еженед. журн. **„ЭКРАН“**

1 мес.	1 р. 05 к.
3 „	3 „ 15 „
6 „	6 „ 30 „
До конца года.	10 „ 50 „

2-е ИЗДАНИЕ
с приложением двухкн.
журнала
„ВОКРУГ СВЕТА“
(„ЗИФ“)

1 мес.	— р. 80 к.
3 „	2 „ 40 „
6 „	4 „ 50 „
До конца года.	9 „ — „

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ „АКТИВИСТ“

Подписка на „АКТИВИСТ“ принимается только вместе с подпиской на „НАШУ ГАЗЕТУ“ с доплатой по 30 к. в мес. к любому изданию.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВОПРОСЫ СТЕНОГРАФИИ И МАШИНОПИСИ

На год—4 руб., на 6 мес.—2 р. 25 к., на 3 мес.—1 р. 25 к., на 1 мес.—45 к.
Для подписчиков „Нашей Газеты“, учащих (по удостовер. с курсов) и безработных (по удост. К-тов) на год—3 руб., на 6 мес.—1 р. 50 к., на 3 мес.—85 к., на 1 мес.—33 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНГИ НАПРАВЛЯЙТЕ:

МОСКВА, улица Герцена, 12/1, Главной Конторе Изд-ства „НАША ГАЗЕТА“.

КРОМЕ ТОГО, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ—районными уполномоченными, организаторами подписки в коллективах, почтово-телеграфными конторами и письмомонетами.
В ПРОВИНЦИИ—уполном. членами, организаторами подписки в коллективах, во всех отделениях центральн. издательства, почтово-телеграфных отделениях и конторах агентств печати.

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПЕРЕРЫВ В ПОЛУЧЕНИИ ГАЗЕТЫ ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

20 КНИГ 20

ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ПО 2 КНИГИ В МЕСЯЦ, всего за 10 мес. около 3.200 стр.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

А. Дюма, Э. Сниклера, В. Скотта, Р. Хаггарда, А. Франса, В. Гюго и др. популярн. авторов.

1 книгу известного романиста А. Фраденва 1

„РАЗГРОМ“ (300 страниц)

4 „ № № женского журнала „4

„ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА“ 4

10 многокрасочных картин 10

1 том (около 60 новых юмористических

рассказов) МИХАИЛА ЗОЩЕНКО 1

10 № № журнала „МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ“ 10

10 книг литературно-художественного

отдельного журнала 10

ПОЛУЧАТ В 1928 г. ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА

№ № 1 и 2 „30 ДНЕЙ“

за текущий год ПОЛНОСТЬЮ разошлись.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

с марта до конца года

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА журнал „30 ДНЕЙ“ со всеми приложениями (с перес. и доставкой) с марта—с № 3 до конца года—11 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАСЧОЧКА: при подписке—6 руб., к 15 июня—3 руб. и к 15 сентября—2 руб.

За отдельную доплату при подписке—1 руб. вышлются 4 книги „Библиотеки Исторических Романов“: 1. Г. Эберс—Урраа. 2. Джованьоли—Слуга. 3. Р. Хаггард—Лодь Монтеччино, и 4. Г. Флобер—Саламба.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯЙТЕ:

Москва, центр, Ильинка, 15. Изд-во „3ИФ“.

Подписка принимается также повсеместно на почте и в отделениях центральных газет.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г. на ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

АЛЬМАНАХ ЗЕМЛЯ ФАБРИКА

Под общей редакцией Ф. ГЛАДКОВА.

Альманах выходит раз в три месяца книгой свыше 400 страниц убористого текста, на лучшей бумаге, в многоцветной палке. Задача альманаха „Земля и Фабрика“: проводить борьбу с упадочничеством в литературе, дать читателю художественный материал—бодрый, здоровый, жизнерадостный.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА (с пересылкой и доставкой): из год (4 кн.)—7 р.; на 6 мес. (2 кн.)—3 р. 75 к.; на 3 мес. (1 кн.)—2 р. Допускается РАСЧОЧКА платежа.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, центр, Ильинка, 15, „ЗИФ“. Подписка принимается также во всех отделениях центральных газет и повсеместно на почте.

Подробные проспекты—бесплатно!

ВЫШЛА И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ПЕРВАЯ КНИГА АЛЬМАНАХА „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

Содержание: Вл. БАХМЕТЬЕВ.—„Преступление Мартына“, роман (допущ. Гос. Учен. Советом в школы. библи.). Фед. ГЛАДКОВ (автор романа „Цемент“) — новые рассказы: „Головоногий человек“ и „Кровью сердца“. Анна КАРАВАЕВА.—„Жало“, рассказ. Стихи: Н. АСЕЕВА, Эд. БАГРИЦКОГО, С. ОБРАДОВИЧА, Б. ПАСТЕРНАКА и Мих. СВЕТЛОВА.

ЦЕНА КНИГИ (426 стр., в палке) — 2 руб. 50 коп.

В № № 2, 3 и 4 альманахов, между прочим; будут помещены: М. Ленин.—„Милучая смерть“, повесть. Дельян Ведий.— Новые стихи. А. Серфидинович.— „Борьба“, новый роман. Всев. Иванов.— Новая повесть. А. Новиков-Ириной.— „Самая купель“, роман. Евч. Шинков.— „Алкольчи“, повесть и мн. др.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: Удлинитесь подписную плату ПОЛНОСТЬЮ получите годовую подписку: А. В. Луначарского.— „Эпохи критическое“ и Н. Истрати.— „Кора Короля“, полугодичное приложение. Салам Придоки.— „Израильские стихотворения“ и Федорчино.— „Народ на войне“.

